

Товарищ Сталин на трибуне Чрезвычайного VIII Всесоюзного съезда советов делает доклад о проекте Конституции СССР

Фото Э. Евзерикина (Союзфото)

ВСЯ СТРАНА СЛУШАЛА ВЕЛИКОГО СТАЛИНА

Когда из Кремля радио донесло весть о том, что на трибуну чрезвычайного VIII Всесоюзного съезда советов поднялся товарищ Сталин, трем оживленным процессам по всей Советской стране. Миллионы людей, собравшихся у радиоприемников, в театрах, дворцах культуры, домах колхозников, на площадях городов и сел, ликующим «ура!» встретили родное любимое имя.

— Статьи.

Лучшие из лучших сынов социалистической родины собрались в исторический день 25 ноября в красной Москве, чтобы утвердить сталинскую Конституцию—великую хартию социализма. И вместе с делегатами народа с незабываемым энтузиазмом все трудящиеся страны встретили на трибуне юншатора и творца Конституции. Ликовали шахтеры и ученые, колхозники и моряки, металлурги и пограничники. Восторженно бились сердца миллионов трудящихся за рубежом Советской страны.

Часы Большого кремлевского дворца в этот момент показывали 5 часов 40 минут. На Дальнем Востоке уже близилась полночь. В Мадриде и Барселоне только разгорался боевой день.

Вот из грома рукоплесканий, бури ликующих восторгов выделяются первые слова пролетарского гимна. Сава «Интернационала» все громче, мелодия все величественнее. Советский народ зовет к борьбе и победам всех трудящихся мира.

Если бы в Кремле были слышимы голоса всех, ливших в эту минуту свой победный гимн, «Интернационала» гремел бы из десятков миллионов уст.

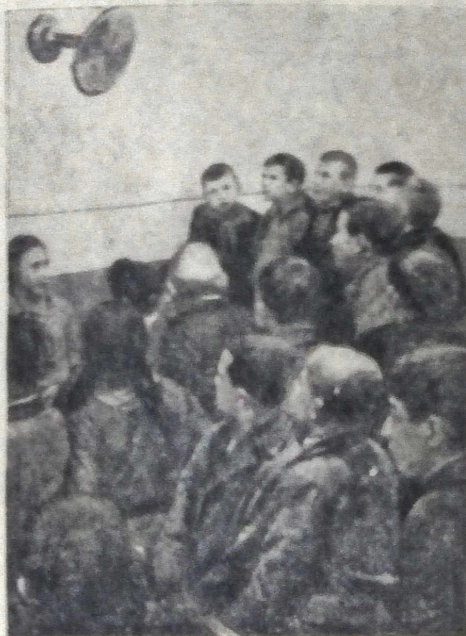
Стихают овации. Товарищ Сталин начинает свой доклад. Вот этот радостный час, которого с таким нетерпением ждали граждане Советской страны.

Мудрый вождь, гениальный мыслитель с высоты кремлевской трибуны обозревает пройденный Советской страной путь.

Что имели мы в 1924 году?

Когда СССР на II всесоюзном съезде советов принял первую конституцию:

«Наша провинциальность представляла тогда незавидную картину, особенно тяжелая про-

В московской школе № 132 в классах были установлены репродукторы. На снимке: ребята 5-го класса слушают доклад тов. Сталина
Фото Л. Вильнера

мышленность... Наше сельское хозяйство представляло еще более неприглядную картину... То же самое надо сказать насчет товарооборота в стране...

Что мы имеем теперь, в 1936 году?

«Если мы имели тогда первый период нэпа, начало нэпа, период некоторого оживления капитализма, то мы имеем теперь последний период нэпа, конец нэпа, период полной аннигиляции капитализма во всех сферах народного хозяйства».

Киргизская делегация в зале заседания чрезвычайного VIII Всесоюзного съезда советов. Слева направо: землевладелец колхоза им. III Интернационала (Калининский район) тов. Тезикбаева, цеховой мастер сахарного завода в Канске тов. Шаганин и колхозница хлопкового колхоза «Социализм» (Ошский район) Бегалиева

Фото Ф. Клясова (Стиффот)

tired_brain.livejournal.com
Теперь социалистическая индустрия по объему производства превосходит индустрию капиталистического времени более чем в семь раз. Самое же главное в том, что капитализм изжил известную нам иную промышленность, а социалистическая форма производства является бесконечно господствующей. Наша промышленность теперь базируется на новой богатой современной технике с сильно развитой тяжелой индустрией и еще более развитым машиностроением.

Вместо скученных мелких единоличных крестьянских хозяйств с их слабой техникой и извечным кулаком мы имеем теперь самое лучшее в мире машинизированное, вооруженное новой техникой производство. Мы имеем колхозы и совхозы, которым принадлежит 97-98 процентов всей посевной площади в стране, мы имеем колхозы и совхозы, вооруженные 400 тысяч тракторов мощностью в 7380 тысяч лошадиных сил.

Восторженными овациями встречает страна слова вождя:

«полная победа социалистической системы во всех сферах народного хозяйства является теперь фактом».

А что это значит?

Это значит, что эксплуатация человека человеком уничтожена, ликвидирована, а социалистическая собственность на орудия и средства производства утверждена, как неизбывная основа нашего советского общества.

В результате всех этих изменений в области народного хозяйства СССР мы имеем теперь новую, социалистическую экономику, не знающую кризисов и безработицы, не знающую нищеты и разорения и дающую гражданам все возможности для зажиточной и культурной жизни.

Великий творец основного закона СССР в напряженной тишине съездовского зала с исключительной глубиной и предельной ясностью, свойственной ему—другу и вождю народов, анализирует те исторические изменения, которые произошли в классовой структуре нашего общества.

Все эксплуататорские классы ликвидированы. Остатки рабочий класс. Остатки класс крестьян. Остатки интеллигенции.

«Но было бы ошибочно думать, что эти социальные группы не претерпели за это время никаких изменений, что они остались такими же, какими они были, скажем, в период капитализма».

Везде, где граждане СССР собрались, слышал исторический доклад вождя, они, боясь хоть словом нарушить тишину своих аудиторий, одобрительно кивали словам товарища Сталина. Да, рабочий класс СССР—это совершенно новый, освобожденный от эксплуатации рабочий класс, подобного которому не знала еще история человечества. Да, советский крестьянство—это совершенно новое крестьянство, подобного которому еще не знала история человечества. Да, в нашей стране совершенно новая трудовая интеллигенция, подобной которой не найти ни в одной стране земного шара. В великой стране социализма грани между рабочим классом и крестьянством, равно как между этими классами и интеллигенцией стираются.

Спокойный и твердый, радной и незабываемый голос Сталина звучал над страной. Его слушали на Украине, в Архангельске, на судах Черноморского флота, на островах Северного Ледовитого океана, в Средней Азии, во всех республиках могучего Советского союза. Братские народы СССР единодушно приветствовали слова гениального творца Конституции.

«Истинный период с несомненностью показывает, что опыт образования многонационального государства, созданного на базе социализма, удался полностью. Это есть несомненная победа мирной национальной политики».

...мы имеем теперь вполне сформировавшееся и выдержавшее все испытание многонациональное социалистическое государство, прочность которого могло бы подтвердить любое национальное государство в любой части света».

Когда стихает буря оваций, товарищ Сталин

Говорит об основных особенностях проекта новой Конституции, представленного на рассмотрение Чрезвычайного съезда. Снова гремит аплодисменты. Мудрый вождь констатирует:

«Наше советское общество добилось того, что оно уже осуществило в основном социализм, создало социалистический строй, т. е. осуществило то, что у марксистов называется иначе первой или низшей фазой коммунизма. Значит, у нас уже осуществлена в основном первая фаза коммунизма, социализм».

Новая Конституция — это итог пройденного пути, итог уже добытых завоеваний. Она является законодательным закреплением того, что уже добыто и завоевано на деле.

Овация в Кремлевском зале, подхваченная во всех углах страны, где слушали доклад вождя счастливые граждане СССР, возникает с незабываемой силой.

Ярко обрисовав все особенности всемирно-исторического документа, вскрыв все замечательные отличия хартии социализма от буржуазных конституций, товарищ Сталин едко высмеивает буржуазных критиков основного закона СССР. Вместе с депутатами народа, собравшимися в Кремле, вся Советская страна смеялась над горе-критиками, щедринскими бюрократами и скептиками из лагеря буржуазии.

Демократия в СССР — демократия для всего советского народа, социалистическая демократия. Конституция СССР — единственная в мире до конца демократическая конституция. В мире нет и не было еще такой демократии.

«Надо работать, а не хныкать», — бросил товарищ Сталин по адресу тех, кого пугает всеобщее избирательное право. Съезд аплодисментами поддержал и приветствовал эти слова вождя.

Когда товарищ Сталин при все растущем внимании миллионов слушателей, рассматривая поправки и дополнения к проекту Конституции, указывает на то, что следует принять поправку к статье 77-й — организовать новый общесоюзный народный комиссариат оборонной промышленности, вновь гремит продолжительные аплодисменты. Граждане СССР горячо любят свою родину. Они готовы все отдать для укрепления ее силы и мощи.

Уже два часа, не упустив ни одного слова, произнесенного вождем, слушают миллионы исторический доклад. Товарищ Сталин сжато и ярко говорит о значении новой Конституции СССР для Советского союза, для трудящихся всего мира.

На заводе «Шарикоподшипник» рабочие организовали слушание доклада тов. Сталина в помещении студии заводского радиоузла

Фото Л. Вильнера

«...международное значение новой Конституции СССР едва ли может быть переоценено.

Теперь, когда мутная волна фашизма оплевывает социалистическое движение рабочего класса и смешивает с грязью демократические устремления лучших людей цивилизованного мира, новая Конституция СССР будет обвинительным актом против фашизма, говорящим о том, что социализм и демократия непобедимы. Новая Конституция СССР будет моральной помощью и реальным подспорьем для всех тех, кто ведут ныне борьбу против фашистского варварства».

Эти слова встречены бурей приветственных возгласов. И с новой силой гремит восторженная овация заключительным словам доклада:

«Еще большее значение имеет новая Конституция СССР для народов СССР. Если для народов капиталистических стран Конституция СССР будет иметь значение программы действий, то для народов СССР она имеет значение итога их борьбы, итога их побед на фронте освобождения человечества. В результате пройденного пути борьбы и лишений приятно и радостно иметь свою Конституцию, трактующую о плодах наших побед. Приятно и радостно знать, за что бились наши люди и как они добились всемирно-исторической победы. Приятно и радостно знать, что кровь,

обильно пролитая нашими людьми, не прошла даром, что она дала свои результаты. Это вооружает духовно наш рабочий класс, наше крестьянство, нашу трудовую интеллигенцию. Это двигает вперед и поднимает чувство законной гордости. Это укрепляет веру в свои силы и мобилизует на новую борьбу для завоевания новых побед коммунизма».

Закончен доклад, в котором каждое слово полно исторического значения, будет продумано, врежется в память миллионов, даст новый приток энергии строителям социализма в Стране советов, вдохновит миллионы трудящихся за пределами СССР.

Как по-новому, как строго и величественно звучит «Интернационал», исполняемый в Большом кремлевском дворце, в десятках тысяч радиоаудиторий. Вот он величественный итог борьбы, итог побед. Сталинская Конституция — обвинительный акт против фашизма.

На фабриках и заводах, в колхозах и совхозах, в учреждениях и научных институтах в этот исторический вечер 25 ноября пронеслась волна стихийных митингов, посвященных докладу великого вождя. Выступали рабочие и колхозники, ученые и красноармейцы, граждане СССР всех национальностей, и первое слово их было обращено к гениальному творцу основного закона СССР. Сталин — это победа! Слава великому Сталину!

Делегат Чрезвычайного VIII Всесоюзного съезда советов — председатель ненецкого окрисполкома тов. Тайбарей И. Ф.

Фото Л. Вильнера

Делегат Чрезвычайного VIII Всесоюзного съезда советов тов. Рей-мале Бубиев из арабского колхоза на границе с Афганистаном

Фото Л. Вильнера

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В ИСПАНИИ

Вверху: отряд рабочей милиции у пулемета

(Союзфото)

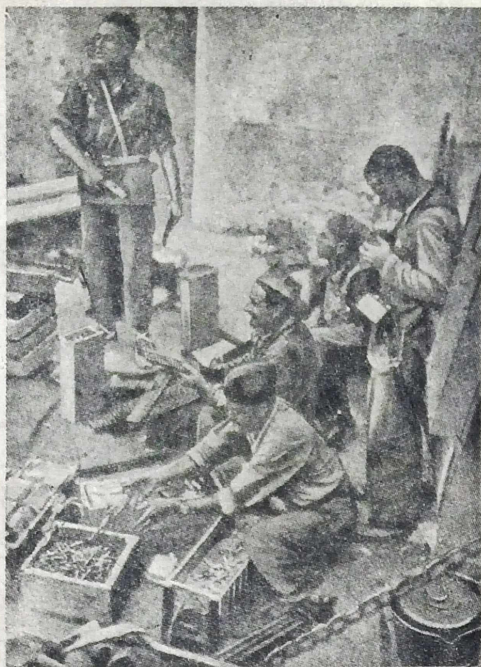
В круге: конный дозор правительственной армии на центральном фронте
«Нью Йорк Таймс» (Союзфото)

Внизу: перебежка правительственной пехоты под прикрытием артиллерийского
огня

«Планэт Ньюс» (Союзфото)

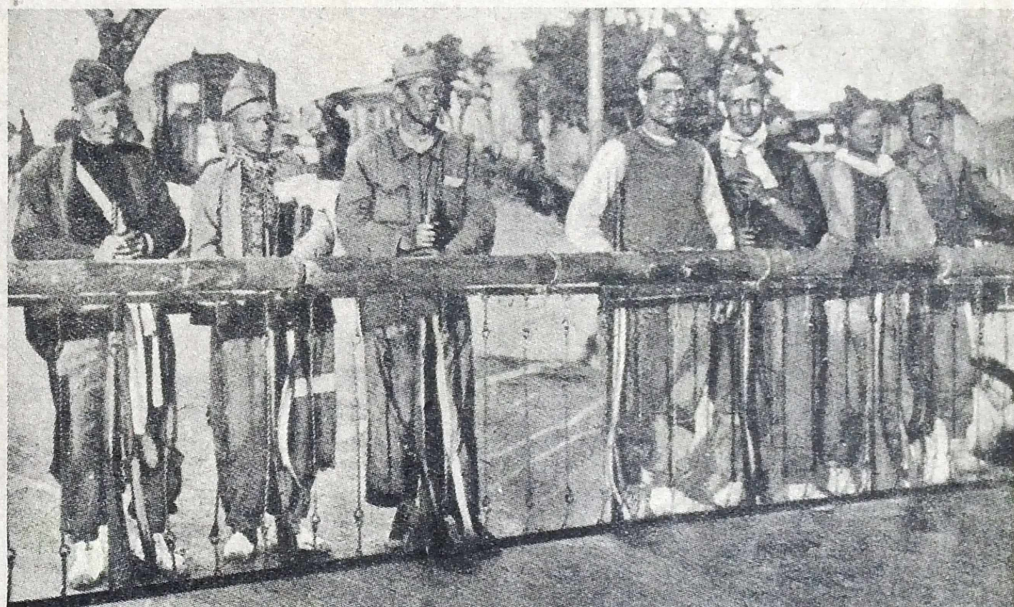

↑ Подготовка к бою. Дружинники заряжают пулеметные ленты
«Сфир»

Вверху справа: посадка марокканских солдат в самолет, полученный мятежниками от фашистских государств. Самолет отправляется из Марокко в Севилью
«Иллюстриред лондон ньюс»

В центре справа: добровольцы народной милиции ждут поезда, чтобы присоединиться к своим товарищам, сражающимся на фронте
«Сфир»

М. И. Калинин беседует с делегатками испанского народа, приехавшими в СССР на Октябрьские торжества. Слева направо: М. И. Калинин, Энкарнасьон Сьерра, Кармен Сальвадор Куэста, Мария Нуньес

Фото Б. Фишмана
(Союзфото)

СЕРГЕЙ МИРОНОВИЧ КИРОВ
1888—1934

В КАБИНЕТЕ КИРОВА

Мглистым ноябрьским вечером мы вошли в кабинет Кирова. Эта обычная экскурсия ленинградских рабочих была многолюдна. Нашлись среди присутствующих люди, которым посчастливилось лично встречаться с Сергеем Мироновичем, и молодой капитан недавно приехавший из Астрахани, долго вспоминал рассказы старых партизан о гражданской войне на Каспийском побережье. Свидетели легендарной жизни большевика, пришедшие поздним вечером в Смольный, мы долго осматривали эту большую комнату, — каждая вещь напоминала о Кирове и, казалось, телефонные трубки хранили еще тепло кировской руки. Да, таким именно и представлял каждый из нас кировский кабинет. В простоте и строгости обстановки отразился характер Сергея Мироновича — простой, сердечный, подлинно человеческий, в самом высоком и благородном смысле этого слова.

Киров всегда был в движении, и если бы мы захотели описать день его жизни, нам пришлось бы рассказать о цехах ленинградских заводов, о домах рабочих окраин, о новых строительных площадках, о прекрасных советских кораблях, бороздящих серо-свинцовые воды Балтийского моря. Всюду, где со-

ветские люди учились строить и побеждать, видели они мужественное лицо, озаренное светлой улыбкой, слышали добрый, грудной голос пламенного большевика. Киров не был кабинетным работником, и в эту комнату шла вслед за ним живая бурная жизнь. Каждый завод нес сюда образцы своей продукции. На письменном столе Кирова часто лежали рядом и каракули писем, полученных от октябрят из далекого округа нашей области, и труды всемирно известных ученых, начинающие новую эпоху в истории человеческой мысли. На письменном столе Кирова лежат и сейчас подарки ленинградских рабочих — скромные металлические изделия, сгустки человеческой воли, настойчивости и таланта. Экскурсанты внимательно рассматривают эти простые предметы, и каждый радуется, узнавая марку своего завода, подпись своих соседей по станку, знак своего района. Рабочий Кировского завода, перебивая руководительницу экскурсии, долго рассказывает о подарке, который путиловцы принесли в Смольный в августовский день 1934 года.

Экскурсия наша многолюдна, среди нас находятся люди, которые могут рассказать и о логарифмической линейке, и о челноке

из пластмассы, и об образцах пу-
дожского железа, и о замечатель-
ных работах Института металлов,
обо всех достижениях нашей тех-
нической культуры, связанных с
именем Сергея Мироновича. Но
рядом с этими предметами, извест-
ными каждому из нас, лежит на
письменном столе маленькая ме-
таллическая деталь, на ней нет ни-
каких обозначений, которые позво-
лили бы нам установить, какой за-
вод подарил ее Кирову. Этот бе-
змяный подарок особенно ин-
тересует экскурсантов, и каждому
из присутствующих хочется ве-
рить, что именно на его заводе
отливалась эта деталь, что имен-
но его товарищи по работе при-
несли в Смольный этот подарок.
Может быть, подарок был прине-
сен в тот самый день, когда так
трагически оборвалась жизнь ве-
ликого сына советского народа?
Неожиданно приходит некоторым
из нас эта мысль, и вот уже все
замолчали, — суровыми, строгими
стали лица...

1 декабря 1934 года...

Страшный день, когда великая страна содрогнулась от боли и гнева... Все в этой комнате напоминает о дне смерти Кирова: и листок настольного календаря, открытый на первом числе декабря, и резинка, которую, выходя из кабинета, в последний раз положил Сергей Миронович на письменный прибор, и высокая чернильница — в ней еще сохранились чернила, которыми писал Киров.

На стене, против окна, висит картина, изображающая расстрел 26 бакинских комиссаров, многих из них знал Сергей Миронович, многие были его соратниками в героические дни освобождения Кавказа. Глядя на картину, узнавая смелые лица сталинских учеников, Сергей Миронович часто вспоминал, должно быть, о годах гражданской войны, о ненависти побежденных врагов к мужественным солдатам революции...

Враг, разбитый в открытом бою, готовил подлые убийства из-за угла, трижды проклятые подонки троцкистско-зиновьевской контрреволюции, в тесном сотрудничестве с германскими фашистами, с гестапо

перешли к бандитским методам борьбы. Вот лежит на невысоком постаменте посмертная маска Сергея Мироновича, вот фуражка, в которой он ходил с 1931 года, залитая горячей кировской кровью. Невольно бледнеют экскурсанты, когда видят на тыльной стороне фуражки маленькое отверстие — след пули, которой был убит Киров. В строгом, сосредоточенном молчании долго стоят все у печальной реликвии. Тихая большая комната становится тесной, и слезы душат молодого капитана, много раз встречавшегося лицом к лицу со смертью.

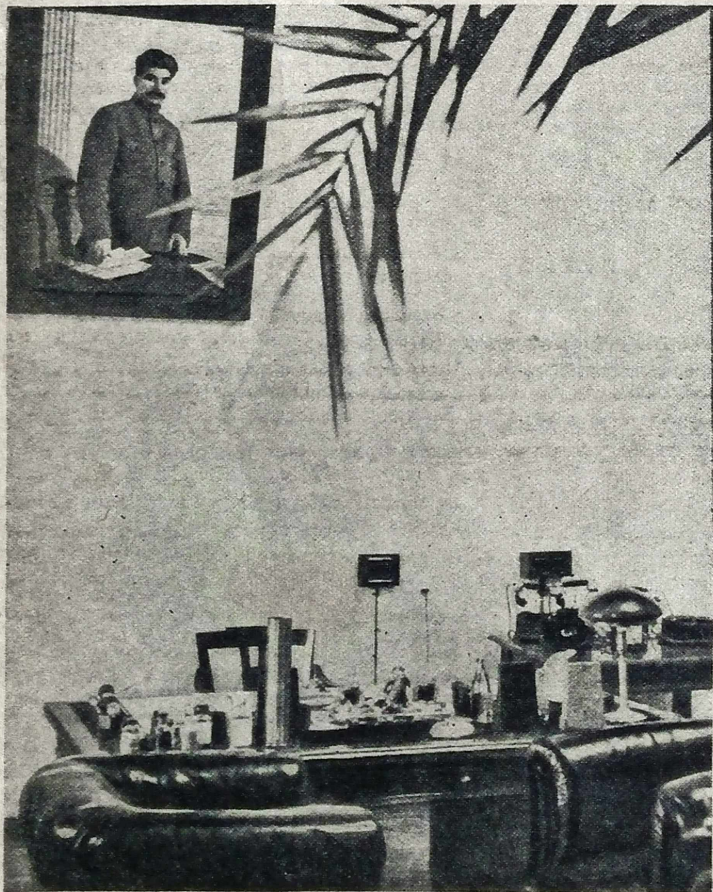

Фуражка С. М. Кирова, на которой остался след от пули подлого убийцы

Фото А. Бродского

Молча выходим мы из кировского кабинета. После смерти Сергея Мироновича вся обстановка комнаты, в которой он работал, была перенесена во второй этаж Смольного и в строгом порядке расставлена работниками Музея революции. Стоит сделать несколько шагов по коридору Смольного, и мы уже в другой комнате — в комнате Владимира Ильича.

Прекрасной аллеей идем к выходу из Смольного. Уже поздно, на улицах горят фонари, и город Ленина раскрывается перед нами во всем величии своих набережных, улиц, дворцов. Город украшен. Открылся Чрезвычайный съезд советов, обсуждающий великую сталинскую Конституцию. И на знаменах, на плакатах, на фронтонах домов вновь возникает перед нами смелое лицо великого народного трибуна.

Кабинет С. М. Кирова в Смольном
Фото А. Бродского

«Вознесем хвалу господу, сделавшему богатой Эстремадуру»

В книге «Раздел земли» (1935 год) революционный испанский писатель Сесар Арконада рисует нищенскую беспросветную жизнь крестьян Эстремадуры.

«Моя любовь к крестьянину — это ненависть к феодализму, который делает его рабом. И так как я убежден, что только революция может освободить его, я хочу научить крестьянина стать революционером, а это равносильно тому, как научить узника сломать тюремную решетку», — говорит автор о своем произведении.

Печатаемый ниже отрывок является прологом романа.

Понедельники это такие дни, которые прохлывают над школой, как низкий утренний туман. Дети ощущают в понедельник безграничную тоску по ушедшему воскресенью, тоскуют по нем, как куропатки по скошенной ржи. По понедельникам школа еще более ненавистна. Учитель — это великан-людоед. Книжки нагоняют скуку. В школе пахнет сыростью и крысами. А главное — неприятна мысль, что воскресенья бывают только раз в семь дней, тогда как у животных и некоторых людей весь год — сплошное воскресенье, праздник, свобода.

Эта ненависть к понедельникам в школе не чувствуется в деревне. В Робледильо дель Тьетар школа не каждодневная тюрьма, обязывающая детей, учителя и матерей и слуг подчиняться расписанию и жить в зависимости от него. В Робледильо школа — открытый весь день птичник, куда птицы входят и откуда выходят по своему желанию. Здесь почти все люди бедны, поэтому и дети подчинены бедности, а не стремлению к знаниям.

Если представляется возможность что-нибудь заработать, дети уходят вслед за родителями, а в школе остается только сонный дон Панталеон, глядящий вокруг подслеповатыми глазами. Когда дети бедняков идут в школу, — это значит, что нет работы. Бедные посылают детей в школу, чтобы они ели булочки, а не хлеб.

Нет нужды говорить более ясно. Сейчас ноябрь и с гор Бехара набегают порывы холодного ветра. Прошел дождь. Вся Эстремадура пышно зеленеет пастбищами. В Гредо появляются первые полоски снега. И нет нужды говорить более ясно: теперь все дети Робледильо в школе.

Школа помещается в низеньком здании консистории. С одной стороны суд, с другой — школа. Между ними проход, который ведет к воротам на скотный двор, — это для кур альфавасила¹.

Нередко можно видеть зашедшего в класс петуха, а за ним бегущего с прутом дон Панталеон, который, к восторгу ребятшек, наносит со слепу удары впусую.

— Проклятый петух, — кричит он. — Хотя, если бы его оставить здесь, он научился бы чему-то, чем вы, невежды. Петух есть петух, а вы — свиньи.

Дон Панталеон уже сорок лет учительствует в Робледильо. Он из южной Эстремадуры, из Сафра, поэтому у него несколько андалузский выговор и воображение, склонное к чрезмерным сравнениям. Он женился здесь на служанке одного буржуа. Имел пятерых детей: два сына и три дочери. Из сыновей — один приходский священник, а другой францисканский монах. Все три дочери — монахини. Религиозность — его гордость.

Десять лет назад умерла от малярии его жена и с тех пор он живет один, со старой экономкой. Дон Панталеон большой приятель священника. Дружба священника и учителя

в течение тридцати лет была братской, со- танной из вечеринок, туты² и чарочки вина.

В последние годы дон Панталеон любит выпить. Он не ходит в трактиры, но в тишине ректорского дома, между двумя конями туты, между молитвами и благочестивым чтением он и священник обильно освещают гортань. Его никогда не видят пьяным, но частенько — навеселе, и тогда его лицо, разбухшее, красное, лиловое, теряет всякое выражение и кажется мертвым, возбуждая подлинный страх своей неподвижностью. Сзади на шею у него большая шишка, как яйцо страуса. Она похожа на горб. Дети зовут его дон Панталон и поют куплеты, намекающие на его горб.

Когда дон Панталеон навеселе, об этом можно узнать не только по его покрасневшему и неподвижному лицу, но и по его выспренним речам. Склонив голову на право и механически шевеля губами, он говорит целыми часами в торжественном тоне о боге, о жизни святых, о прелестях Эстремадуры.

Союз двух наставников — священника и учителя — сделал из населения Робледильо благочестивых и послушных прихожан. Но это было. Теперь говорят, что все в мире стало вверх ногами. Несомненно то, что дьявол вырвался как раз тогда, когда дон Панталеон уже стар и не может схватить меч святого Георгия, как это делает священник. Учитель молится, крестится, служит молебны, но дьявол не уходит, даже наоборот, вносит еще больше раздора в поселке, в Эстремадуре, в Испании.

— Господи! Что сделали твои смиренные грешники, что ты так наказываешь нас? — спрашивает он.

Сегодня понедельник и почти все дети Робледильо находятся в школе, утоляя голод знанием.

Наступает холода. В окнах школы нет стекол. Каждый раз как только их вставят, мячи и камни снова разбивают их. Алькальд³ решил не вставлять больше стекол. Дон Панталеон держит около своих ног маленькую жаровню, но тепло ее не распространяется дальше ножек стола.

Детский мир — это отражение мира взрослых, но более простое, уменьшенное.

Так же, как мужчины, мальчики Робледильо разделены на партии. Противоречий нет: партии сыновей соответствуют партиям отцов. У детей есть инстинкт, который никогда не обманывает.

В школе силы расположены так: с одной стороны внуки «Мавра»: Луизино — «Перец», Антонио — «Желудь», Пелин и Альфредо — еще без прозвища; с другой стороны племянники Флориано, Хакобо и Хусто — «Куропатки». Борьба идет не между детьми богатых и бедных. В школе Робледильо все дети бедны. Борьба идет между детьми родителей — рабов и детьми родителей — непокорных. Потомки «Мавра» не лучше одеты, чем остальные. Все они ходят в больших старых отцовских куртках с разорванными рукавами, выставляя напоказ темные от солнца и грязи тела.

Споры, которые возникают, — из-за хлеба.

Потомки «Мавра» приносят в школу хлеб, а это, как всякое богатство, рождает классы: одни подчиняются за несколько крох хлеба тирании «Перца» и «Желудя» и другие — «Куропатки» — непокорные и гордые своей бедностью.

Дон Панталеон снимает ноги со своей жаровни, поднимается и, качая головой, ударяет по столу прутом.

— А, ну, — кричит он, — пойте таблицу умножения.

И снова свертывается, как кот у огня.

Ученики начинают оглушительно петь:

— Единожды один — один. Дважды два — четыре. Дважды три — шесть. Дважды четыре — восемь. Дважды восемь — шестнадцать...

Дон Панталеон шевелит огонь в жаровне. Горячая волна поднимается к лицу, заставляя его закрыть глаза в старческой полудремоте, через которую уже проглядывает близость смерти. Дети поют монотонно, без внимания. Поют цифры. «Для чего нужны цифры?»

— Дважды четыре — восемь. Дважды восемь — шестнадцать...

Мальчики поют дружно, напрягая голоса. Цифры множатся. Маленькие нищие — финансисты! «Дважды два — четыре. Четырежды четыре — шестнадцать...» Какую ценность имеют цифры, когда человек беден, маленькие дети из Эстремадуры!

Но вот «Перец» вытащил из кармана кусок хлеба. Ребята бросают на этот кусок черного черствого хлеба жадные взгляды.

Поют. Дошли до цифры пять, и дон Панталеон уже так низко наклонился над жаровней, как будто ищет в ней иголку. Рядом с «Перцем» его брат Альфредо. Он вынимает нож и подает брату. Хлеб делят на куски. Вся шеренга ажно следит за их движениями. Поют. Подходят к цифре шесть. «Шестью пять — тридцать...» Бедные дети чувствуют холод и голод. Тупая усталость давит их. Через разбитые стекла врываются потоки холодного воздуха.

«Перец» делит свое лакомство на маленькие кусочки: кусок для брата и другой для Пелина, что на передней скамейке. Он оглядывается назад и встречается с жадными, широко открытыми глазами Хусто, старшего из «Куропаток». «Перец» улыбается — уже давно он не был так учтив со своим врагом. Затем переговаривается с соседним мальчиком — «Обманщиком», который в больших и важных спорах ребят играет роль дипломатического курьера. «Обманщик» поворачивается и говорит Хусто:

— Он дает тебе кусочек хлеба, если ты помирись и будешь защищать его.

«Куропатка» смотрит нерешительно. Куски хлеба лежат на столе. В воображении ребят этот хлеб блестит, как золото. Взять бы его, жадно поднести к губам, испытывая удовольствие от жесткого трения хлебной корки о горло. «Перец» поворачивает улыбающееся лицо, чтобы видеть своего врага. «Куропатка» встречается взглядом с посредником, и с гордым видом, презрительно повысив голос, чтобы все его слышали, восклицает:

— Скажи ему, чтобы он сунул его себе в з...!

Дети продолжают петь.

«Семью семь — сорок девять... Семью восемь — пятьдесят шесть».

«Перец» с красным от полученного оскорбле-

² Карточная игра.
³ Мэр.

¹ Судебный следователь.

ния лицом приходит немного в себя, смотрит по сторонам, находит своих друзей и, делая знак, чтобы приготовили руки, протягивает им куски хлеба.

Пение заканчивается, ибо нет птицы, которая пела бы за едой. Несколько кусков хлеба падает на пол. Все ребята поспешно стараются поднять их. Поднимаются шум и возня. Кричат, бросаются один на другого.

Хусто энергично поднимается и кричит:

— Труссы, продаете себя за дерьмо.

Мальчики разбегаются на свои места. Дон Панталеон просыпается, встает, с трудом поворачивается и видит стоящим только «Куропатку».

— Что за шум, бездельники! Этого еще не доставало. Ты, наверное, зачинщик? Иди сюда,— обращается дон Панталеон к Хусту.

«Куропатка» поднимается на возвышение. Голова опущена, но глаза, жесткие и черные, непокорны. «Перец» дрожит, боится, что его выдадут, но Хусто никогда не выдает.

— Ты, дьявол, говори мне, кто затеял ссору?

— Я ничего не знаю — отвечает Хусто.— Я увидел, что они все здесь столпились и пошел посмотреть. Мне кажется, что это была мышь.

Несколько минут боязливой настороженности, затем все начинают смеяться и подтверждают хором:

— Да, да, это была мышь. Мы хотели убить ее.

— Вот вы как, я вас сейчас палкой! А у тебя вид прсапшего — говорит он, обращаясь к Хусто.— Сколько времени ты уже не ходишь с нами к обедне? Знаю, знаю... не вы виноваты, а ваши родители. Это все от коммунизма! Продолжай и дальше так — станешь бандитом. У тебя уж и сейчас вид бандита. Мальчики, запомните хорошенько его имя, чтобы вы никогда не забывали то, что я вам скажу: этот будет злодеем всю жизнь. Как тебя зовут? Хусто? Да, вспоминаю, Хусто. Фамилия?

Мальчик отвечает быстро и сухо.

— Хусто Каньявераль.

— Очень красиво! Каково воспитание! Значит Хусто Каньявераль, как будто какая-нибудь важная персона. Ну, а если тебя сеньор

священник спросит на улице, как тебя зовут, что ты ответишь?

Мальчик пожимает плечами. Молчит.

— Это такой вежливости я тебя учу? А ну, ктонибудь, дайте урок этому животному! Кто-нибудь, ты, Луизино, как в таких случаях говорится?

«Перец» встает и быстро, решительно, удовлетворенный возможностью отомстить своему противнику, отвечает:

— Говорится: меня зовут так-то и так-то, чтобы служить богу и вам.

— Очень хорошо, очень хорошо сказано! Ты из другого теста сделан, чем эта бестия. Несомненно, этот не знает даже, где он живет. А ну, где ты живешь?

— В Робледильо — отвечает Хусто, улыбаясь.

— А в какой части Испании находится Робледильо?

— На юге.

— Невежда! В какой части Испании, спрашиваю я?

Мальчик не знает. Некоторые тоже не отвечают. Другие говорят правильно: в Эстремадуре.

— В Эстремадуре, да, сеньор. А знаете вы, что такое Эстремадуре?

Дон Панталеон делает усилие, встает, поднимает голову, насколько ему позволяет шишка, и говорит, возбуждаясь:

— В Эстремадуре! Вы должны знать, ребята, что Эстремадуре — это наиболее прославленная часть Испании. Вся эта благословенная земля полна могилами героев. Так было угодно богу.

Америка была завоевана эстремадурцами, нашими знаменитыми соотечественниками, которые с мечом в одной руке и крестом в другой завоевывали эти земли, населенные дикарями. Эрнан Кортес, Писарро, Альварado, Сандоваль. О, дети! Герои эти из нашей дорогой Эстремадуры. Нет места в Эстремадуре, нет уголка, где история не оставляла бы своего следа веками и веками. В монастырях, церквях, домах... Там множество всяких чудес. И все это создано по вере людской и по воле божьей. А если взглянем с другой стороны, дорогие дети, увидим, что Эстремадуре одно из самых красивых и богатых мест Испании. Здесь произрастает все и есть все:

фрукты, стада, луга, леса, богатые заповедники...

Все, все. Там, в Вэра, даже зреют апельсины и гранаты. Здесь берега Тахо с заповедниками. Далее хребты Монтанчес и Гата с их оливковыми деревьями. Ниже Бадахос с обширнейшими полями пшеницы и виноградников. Эстремадуре, Эстремадуре, богатый уголок Испании! Да, дети, да, богатый, очень богатый! Нам, смиренным рабам божьим, остается лишь прославлять и восхвалять господу бога, создавшего богатой Эстремадуре. Дорогие дети, каждую минуту, каждый миг нашей жизни восхвалим господу, который сделал богатой Эстремадуре!

Дон Панталеон спускается, наконец, с облаков своего красноречия. Проводит рукой по голове. Он вспотел, устал, у него даже першит в горле. Но чувствует он себя облегченным, удовлетворенным, более великим, поднявшимся при помощи дыма красноречия туда, дальше, выше над своей сгорбленной старостью, своей конченной жизнью бедного близорукого и старомодного учителя. С ним всегда происходит одно и то же. Всегда после этих неожиданных ораторских вспышек он чувствует себя бодрым, веселым и обновленным.

Смотрит на часы. Добродушно улыбается. Треплет ласково Хусто по щеке.

— Ну, ребята, нам пора итти!

Открывается дверь, и класс моментально пустеет.

Над домами во всех направлениях видны темные пятна дубов, теряющиеся на горизонте горного хребта.

«Восхвалим бога, который создал богатой Эстремадуре!»

Дети уходят. Они идут дрожа, полуголые, с лицами, вытянувшимися от голода, одни только глаза их, черные и живые, дышат мужеством. Несут они голод и холод, как все вещи и люди Эстремадуры. Дети несут также глубокую и старую скорбь, которая неизвестно откуда пришла, но известно отчего произошла: это скорбь нищеты, веками и веками давящая людей многих поколений.

«Вознесем хвалу господу, который сделал богатой Эстремадуре!»

Перевод с испанского
Н. ГЛАДКОВОЙ

↑
Ипылающая деревня, подожженная бомбами, сброшенными с фашистских самолетов

«Сфир»

→
Долорес Ибаррури выступает с речью на фронтовом митинге

«Сфир»

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В ИСПАНИИ

ПОЛЗУЧИЙ САД

Вишневое дерево, стелющееся по поверхности земли

Необычный сад раскинулся под Омском на берегу Иртыша. В сочной зелени рассыпаны яблоки, алеют вишни. Как будто, садовник щедрой рукой разбросал в траве, по сторонам узеньких дорожек, краснобокую «бельфлер-китайку», нежно-розовый «пипин-литовский», усыпал землю замечательной мичуринской вишней «краса Севера».

Но нет! Садовник крепко бережет плоды редкого сада. Фунтовая антоновка, апорт, шафран, зреющие, подобно арбузам, на земле, в тени листвы, крепко сидят на плодоножках.

Садовник заставил деревья изменить свои привычки. Неприхотливая «антоновка» и более требовательные южные сорта «кандиль-синан», «ранет» и многие другие, которые мы привыкли видеть стройными деревьями с высокой кроной, стелются по земле.

Все усилия садовника направлены к тому, чтобы не дать подняться кроне деревьев выше 30—40 сантиметров над землей. Тогда деревьям не страшны суровые сибирские зимы и капризные, изменчивые весны. Деревья живут в припочвенном климате, где на 4—5 градусов больше тепла, чем на высоте метра от земли, где выше и постоянное увлажнение, меньше чувствуется суровое дыхание севера.

Площадь опытного сада—10 гектаров.

На этой площади несколько сот плодоносящих деревьев: южных сортов яблок, груш, вишен и даже винограда. Все эти сорта при обычной культуре погибли бы в первую же суровую сибирскую зиму.

В припочвенном климате деревья прекрасно зимуют, дают урожай

отличных по вкусу плодов до полцентнера и больше с каждого дерева. С гектара взрослого стелющегося сада можно снимать, по самым скромным подсчетам, до 80—100 тонн плодов каждый год.

Мало того. Стелющийся сад обладает еще одной замечательной особенностью. Он начинает плодоносить на второй-третий год после посадки, в то время как те же сорта яблонь, в условиях обычной культуры в центральной полосе Союза или на юге, плодоносят лишь на восьмой-двенадцатый год после посадки.

Организатор сада, бессменный его садовник и энтузиаст припочвенного плодоводства А. Д. Кизюрин

показывал нам деревья посадки 1932 года, которые в прошлом году дали уже по 15 килограммов яблок каждое.

Любовались мы и плодами с этих деревьев—диаметр яблок достигает 10 сантиметров, а вес 400 граммов.

Как же А. Д. Кизюрин добился таких, совершенно исключительных для Сибири результатов? Как заставил он деревья расти в припочвенном климате?

Техника припочвенного садоводства крайне проста. Сущность ее сводится к следующему.

В июне или в июле, как только на посаженном дереве образуются небольшие боковые побеги, его

пригибают к земле и закрепляют затем в горизонтальном положении деревянными приколками.

Осенью согнутые деревья проверяются. Те ветви, которые выходят за пределы полосы припочвенного климата и поднимаются выше 30 сантиметров над землей, надо опять пригнуть к земле. Чем ближе к земле находится дерево или побег, тем лучше оно зимует и, как показывает опыт А. Д. Кизюрин, тем скорее это дерево вступает в пору плодоношения.

Можно было опасаться, что плоды, которые при такой культуре буквально лежат на земле, будут портиться, сильно повреждаться насекомыми. Опыт Омского сада говорит, что опасения эти неосновательны.

Плоды, лежащие непосредственно на земле, если они затенены листьями и ветками, развиваются вполне нормально. Проверка показала, что такие плоды отлично сохраняются и в лежке. «Пипин-литовский», «пипин-китайский», «славянка», «бен», «дзис» и другие яблоки из кизюринского сада сохраняются в Омске до весны.

Вопрос о припочвенном плодоводстве в Сибири не нов. Еще в 1894 году одна из московских газет сообщала: «6 августа первый раз в Сибири освящали... яблоки. Приспособились они тем, что превратились в стланицы, как на севере Якутской области растет стланец-кедр, а еще дальше береза... Яблони все живут; хуже других «боровинка», лучше всех — «антоновка» и «грушевка». Вкус плодов прекрасный».

Пытался культивировать стелющиеся яблони М. А. Жуков, знаменитый лесным питомником в Иссиль-Куле. Разводил таким образом яблони «апорт» и «титовку» братья Крутовские в Красноярске. Десять таких яблонь живут и теперь на территории Красноярской опытной станции. Возраст деревьев—около 30 лет.

Однако все эти попытки носили чисто любительский характер. Впервые вопрос о производственном значении стелющихся садов поставил А. Д. Кизюрин. Ему принадлежит идея организации первого крупного сада.

Значение работ А. Д. Кизюрин выходит далеко за пределы Омской области и даже Сибири.

В самом деле. Десятки научно-исследовательских учреждений, сотни людей долгие годы упорно работают над выведением сортов яблонь и других плодовых деревьев, способных переносить суровые климатические условия Сибири. Пока таких сортов—по крайней мере в широкой производственной практике—еще не видно. Методом же А. Д. Кизюрин можно в ближайшие 2—3 года продвинуть уже существующие прекрасные южные сорта яблок, груш и даже, помимо винограда, в колхозы и совхозы Сибири.

Очевидно, такими же методами возможно продвинуть и в центральную полосу Союза наиболее нежные и ценные сорта южных плодовых культур, которые при обычных методах садоводства не могут перенести зиму в центральных районах. Больше того, есть основания предполагать, что, применяя методы Кизюрин, можно выращивать апельсины и лимоны на юге Украины, разводить где-либо под Полтавой мандариновые сады.

Ползучая яблоня «Кальвиль белый»

А. Шейдлин

Саид Хаджиев

Только что в Нальчик приехал Саид Хаджиев. От дорожной пыли потускнели золотые насечки его кинжала. От фигуры Саида, от худощавого горбоносого лица так и веет ветром и солнцем горных вершин.

Мы встретились неожиданно на перекрестке. Саид тотчас же узнал меня, хотя виделись мы только однажды: в палатке альпинистов горного лагеря Тегенекли. Старый бал-

Гизам — дочь Саида Хаджиева

карец рассказывал нам тогда о своей удивительной жизни. Рассказ его звучал, как легенда...

В молодости Хаджиев охотился за турами. В Кабарде и Балкарии не было джигитов, соперничавшего с ним в меткости стрельбы. На седьмом десятке он сохранил ястребину зоркость глаз и юношескую легкость походки. Рассказывают, старик неделями пропадает в горах, по едва заметным выступам он легко взбирается на крутизну, по снежным мосткам переходит пропасти, в спальном мешке ночует среди фирнов и ледников. Каждую тропинку и каждый изгиб горного хребта он знает лучше, чем извилины на своих ладонях. Младшая дочь Саида — Гизам, — часто сопутствует ему. Она перенимает от отца сложное и благородное искусство хождения по горам...

Чрезвычайно обрадованный встречей, я решил сегодня не покидать Саида. Мы медленно направляемся к клубу альпинистов. Многочисленные друзья и знакомые Саида минутно останавливают его и, отдавая дань вежливости и уважения, ведут неторопливую беседу.

Мы входим в ворота городского парка. Вступаем в голубую аллею, голубую от дымчатых кавказских елей, двумя непроницаемыми стенами обступающих нас. Там встречаем толпу молодежи с теннисными ракетками. Отделившись от группы, к Саиду подошла светловолосая девушка с голубым значком парашютистки. Она приветствовала его на незнакомом мне языке. Саид ласково отвечал ей. Когда группа скрылась за поворотом, он взял меня за плечо.

— Смотри, пожалуйста — Белла Рахиани, девушка, нарушившая закон своих дедов.

Мы сворачиваем в боковую аллею. Играет музыка. Празднично шумит толпа. Где-то вспыхивает и угасает девичий смех.

Я прошу Саида рассказать о девушке, преступившей закон своих дедов.

— Я расскажу тебе о законе крови и законе дружбы, — сказал Саид, усаживаясь на скамью, — слушай, пожалуйста, а когда наскучит скажи: «Старый Саид, меня ждут мои дела...»

— Время плывет быстрее, чем воды Баксана. Еще недавно голова у Саида была черней рукояти тифлисского кинжала, а теперь она белее вечных снегов Эльбруса. Вот как быстро текут годы... Но я благодарю судьбу за то, что дожил до этих лет и познал счастье.

Много троп исходил я в горах Кабарды и Балкарии. Не раз бывал по ту сторону перевалов Бечо и Донгуз-Орун, где лежит горная страна Сванетии.

Высокие горы, бездонные пропасти отделяют Кабардино-Балкарию от владений сванов. Но ни с какими горами нельзя сравнить национальную вражду, разъединяющую в былые времена сердца горских народов. От крови и слез, пролитых при царе, могли бы растаять снега Кавказа. От дыма горящих посевов и селений могли бы задохнуться все эфенди и муллы, разжегшие в народе пламя этой вражды.

Даже в чужой земле Сванетии знали Саида. Были и там у него друзья. Дружил Саид с одним старым сваном. Больше ста лет было свану. И всю свою жизнь разыскивал он кровников своего рода — одну балкарскую семью, предки которой много лет назад убили предка старика. Ни сам старик, ни кто-либо из друзей его не мог бы сказать, с чего началась эта вражда... Но таков закон крови. Он передается от отца к сыну, от сына к внукам...

Уж при советской власти кто-то сказал старику: «Внизу в селении

Верхний Баксан живут люди из семьи твоих врагов». Обычай требовал мести. Но сван был стар. Слезились его глаза, дрожали руки, и никого из родных, кроме десятилетней внучки Беллы, у него не было.

Почуввав в сердце холод смерти, старый сван тайком созвал стариков-односельчан и в торжественной тишине заставил внука повторять за ним слова клятвы. Она поклялась мстить за кровь своих предков.

Я видел Беллу Рахиани в первый месяц 1936 года. В эту зиму люди наших колхозов совершили дело, достойное песен ашугов и похвал джигитов.

Двумя колоннами в сто сорок человек они прошли непроходимые перевалы Сванетии. Горный орел не решится зимой пролететь в этих местах. Но люди решились: рядом с мужчинами шли юноши и девушки. Они собрались словно на большой праздник. Под куртками альпинистов на них были лучшие, праздничные одежды. Я вел одну из колонн. Мы были избраны народом нести в Сванетию сталинское слово приветия и дружбы.

Мы проваливались в трещины, покрытые снегом, мороз обжигал легкие. Снег и туман слепили глаза, и ветер караулил за каждым уступом, чтобы столкнуть неосторожного смельчака в пропасть... Но все-таки мы шли вперед и вверх. Каждый знал, что родина оберегает нас. Над нами кружились самолеты спасательных отрядов, сбрасывая нам все необходимое. Походные радиостанции держали связь с Нальчиком.

Схвосты снег и буран мы несли нашу горячую дружбу.

За перевалами показались огни. Три дня и три ночи горели костры, указывая нам путь. Сваны встречали гостей. Дети и внуки тех самых людей, которые раньше подстерегали друг друга на узких тропях кровной мести, теперь по-братски обнимались и, чтобы крепче была дружба, подносили гостям чаши веселящей араки. На земле сванов наступил праздник народной дружбы.

Много звезд над Баксанским ущельем в июньскую ночь, еще больше друзей-сванов вышло проводить нас до Ингульской тропы. Мы тронулись в обратный путь через зимний Твибер. С нами отправлялись в Кабардино-Балкарию двадцать сынов и дочерей сванского народа. Среди них была девушка, проворная, как газель, и сильная, как джигит, — Белла Рахиани.

На крутых подъемах она помогала нашим девушкам. У одной из них даже взяла часть ее ноши. Я, старый Саид, видел это и смеялся про себя, ибо я знал, кто была девушка, которой помогла сванка.

— Помнишь ли ты клятву, которую ты дала шесть лет назад?

— Помню дедушка Саид, — потому, как дрогнул голое у сванки, я понял: боль воспоминаний иногда бывает так же сильна, как боль от удара кинжалом...

— Если бы ты встретила кого-либо из них?

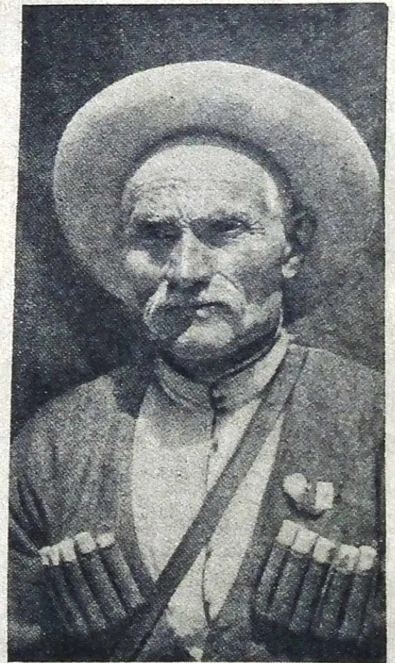
— Я хочу встретить кого-либо из них, чтобы сказать: закон наших дедов — злой, несправедливый закон.

Я громко назвал имя балкарки, шедшей рядом. Это было то самое имя, услышав которое дед Беллы непременно схватился бы за рукоять кинжала.

Мне показалось, что Белла пошатнулась. Но нет, она только обогнула опасный карниз. Потом она с улыбкой подошла к своей спутнице, обняла ее и крепко поцеловала...

В ту минуту ветер свистел в моих ушах. Снег залеплял глаза, у ног рокотали лавины, но, поверь старому Саиду: розы зацветали в его сердце... Соловьи пели в его сердце.

Что может быть священной этой дружбы народов, говорит нам наш мудрый учитель Сталин... А комсомолка Белла Рахиани вместе со своей новой подружкой теперь учится в Нальчике. Девушки-джигитки, они учатся летать на стальных со-

Саид Хаджиев

колах над скалами и ущельями своей родины.

На тропках, обатренных кровью дедов, зацветает прекрасная дружба внуков. Вот почему я счастлив, что дожил до этих лет.

Умолк старый Саид. Догорает вечер. Вдалеке виден серебристый конус Эльбруса. По вечернему небу плывут облака, и кажется, что снежная лавина мчится по необъятной розовой равнине. Где-то совсем близко вспыхивает, угасает и снова вспыхивает, подобно фейерверку, девичий смех.

Полотняный завод

В бывшем Медынском уезде бывшей Калужской губернии, на большой дороге между Калугой и Медынью, у речонки Суходрев, расположилось крупное торговое и фабричное местечко — Полотняный завод.

Еще при Петре I сюда приехал из Калуги купец Афанасий Абрамович Гончаров с целью «делать деньги». Он прослышал о том, что царь строит корабли и для флота нужно парусное полотно. Вместе с двумя «компанейщиками» он решил построить здесь фабрику.

Предприятие стало быстро расти. Гончаровское полотно в короткий срок завоевало себе «славу», а карманы Афанасия Абрамовича так разбухли, что с 1732 года он смог уже освободиться от «компанейщиков» и стал единоличным владельцем Полотняного завода. Покровительствуемый Петром I, Гончаров стал с головокружительной быстротой расширять свое дело. Appetit приходит во время еды, и бойкий калужский купец, получив чин «коллежского асессора» и «потомственное дворянство», а следовательно, и право владеть крепостными крестьянами, стал скупать деревни и дома в Москве, к своему Полотняному заводу присоединил еще несколько предприятий (в том числе крупную бумажную фабрику)

И в результате в царствование

Екатерины II имел уже свыше семидесяти собственных владений.

Но последующие поколения Гончаровых стали мастерски «спускать» нажитое Афанасием Абрамовичем состояние. Особенное искусство в этом деле проявил внук его Афанасий Николаевич, по отзывам современников — человек «недалекого ума». Он слабо разбирался в хозяйственных вопросах, но ставил превыше всего «роскошь» и «благосостояние». В барский дом при Полотняном заводе были свезены из-за границы драгоценнейшие фарфоровые и венецианского стекла люстры, столы и столики, блиставшие мозаикой из дерева, редчайшие предметы старинной утвари. Берлинскому скульптору Мейеру он заказал колоссальную бронзовую статую Екатерины II (в память посещения ею Полотняного завода), стоимостью в сто тысяч рублей (по другой версии, эту статую будто бы заказал еще Потемкин, а А. Н. Гончаров только выкупил ее).

Такое расточительство и шумный образ жизни (зимой в Москве, а летом на Полотняном заводе) привели в полному упадку все огромное состояние Гончаровых. Ко дню смерти Афанасия Николаевича у Гончаровых было уже полтора миллиона долга. Единственным наследником А. Н. Гончарова был его сын Николай Афанасьевич, обременен-

ный большой семьей. Женатый на дочери помещика Волоколамского уезда Натальи Ивановне Загряжской, он имел шестерых детей. Это были Дмитрий, Иван, Сергей, Екатерина, Александра и Наталья.

Николай Афанасьевич получил хорошее домашнее образование, не плохо играл на скрипке и виолончели; однако его способностям нигде было проявиться. Деспотический отец не допускал его даже к управлению имениями.

В двадцатые годы прошлого столетия дела Гончаровых находились в состоянии полного запустения. А с Николаем Афанасьевичем приключилось к тому же несчастье: он упал с лошади и расшибся. В 1815 году он переселяется в Москву, в свой дом на углу Б. Никитской и Скарятинского. Здесь у него начинают проявляться явные признаки психической неуравновешенности. В 1823 году он сходит с ума и в таком состоянии живет еще почти сорок лет.

В семье Николая Афанасьевича, жившей в Москве, главенствовала его жена Наталья Ивановна. Будучи уже матерью шестерых детей и натерпевшись многих семейных бед, она из великосветской дамы, некогда блиставшей при дворе, превратилась в раздражительную, мелочную и взбалмошную женщину. С детства привитая набожность перешла в прямое ханжество. Дочерей своих она держала в страхе, деспотически обращалась с ними. Но дочери росли, и она беспокойно думала уже об их судьбе. Надо было вывезти их на балы, нужны были наряды, а денег не было. Делушка Афанасий Николаевич, высылая в Москву деньги семье сына, высчитывал каждую копейку, так как и сам уже не сводил концы с концами. Екатерина, Александра и Наталья часто ходили в рваных башмаках.

Танцмейстер Иогель, прославленный в Москве учитель танцев (о нем красочно рассказав Л. Тол-

стой в «Войне и мире»), в середине двадцатых годов устроил общестественные балы в своей обширной квартире. Гости платили по пять рублей ассигнациями. На одном из этих бадов в декабре 1828 года Наталия Николаевна Гончарова познакомилась с Александром Сергеевичем Пушкиным.

Вскоре после помолвки, в двадцатых числах мая 1830 года, Пушкин поехал в Полотняный завод — представиться «дедушке» Афанасию Николаевичу Гончарову, который забросал Пушкина просьбами, касающимися исключительно добывания денег. Поэт нагруженный хлопотами по Полотняному заводу.

Центром этих хлопот стала продажа статуи Екатерины II, стоявшей в полном забвении где-то в подвале «господского» дома. Гончаров хотел ее во что бы то ни стало сбыть, оценивая в сорок, потом в двадцать пять тысяч рублей. Покупателей, однако, не находилось. Пушкин проявил большую энергию. Он писал Бенкендорфу, а потом и другим министрам, хлопоча о продаже статуи в казну. В дело было втянута даже Академия наук: статую осматривала комиссия ученых-экспертов. Но дело не увенчалось успехом. Лишь после смерти Пушкина статуя была продана крупному заводчику Ф. Берду, который в свою очередь перепродал ее в 1845 году екатеринославскому дворянству за семь тысяч рублей.

Полотняный завод покорила Пушкина своей «сельской негой». В тридцатые годы поэт страстно мечтал о том, чтобы вдаль «от мертвой области рабов, капральства, прихотей и моды» найти себе какое-то успокоение, и когда летом 1834 года его жена с детьми уехала в Полотняный завод, он проговаривает в письмах: к ней: «Знаешь, что я думаю? Не приехать ли мне к тебе на лето?» И далее восклицает: «Боже мой! Кабы заводы были мои, так меня бы в П. Б. не заманили и московским калачом».

30 августа назначается открытие «Александровской колонны» в Петербурге, и Пушкин, не желая присутствовать на церемонии вместе с камер-юнкерами (дневник его от 28 ноября 1834 года), решает ехать в Полотняный завод. За пять дней до открытия «столпа» его уже не было в столице, а в конце августа он очутился в любимом своем уголке — «Полотняных заводах». Тут он провел две недели и 8 сентября вернулся с семьей в Москву. Это было последнее посещение Пушкиным Полотняного завода.

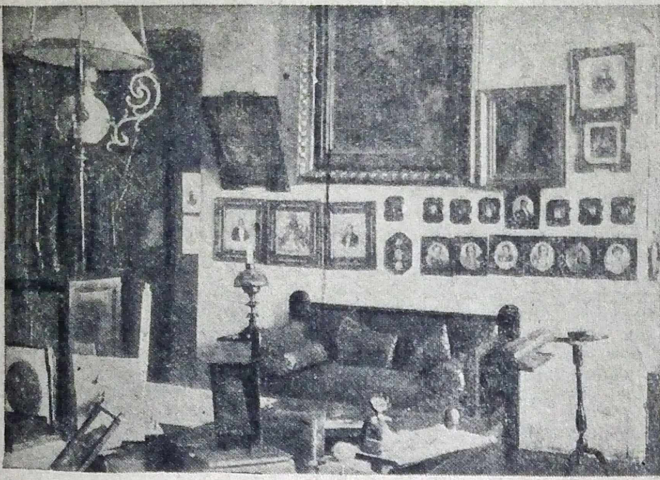
Полотняный завод — поистине прекрасное место для отдыха. В связи со столетним юбилеем Пушкина он стал в центре внимания партии и правительства, Пушкинского юбилейного комитета и всей советской общественности. Намечена реставрация усадьбы: капитальный реставрационный ремонт дома Гончаровых, где теперь размещена Полотнянозаводская школа, дворовых служб, пушкинской беседки, приведение в культурный вид парка и территории бывших дворов Гончаровых, постройка школы имени Пушкина и т. д. Юбилейный комитет при горсовете хлопочет о переименовании станции «Полотняный завод» в «Пушкино», а всего поселка — в поселок имени Пушкина.

Вся территория парка и дворов, расположена в живописной излучине реки Суходрева, протекающей мимо фабрики и огибающей огромный парк и все службы гончаровской усадьбы. Гончаровский трех-

Бывший дом Гончарова в Полотняном заводе. Пять ближайших окон второго этажа — пушкинская зала.

Библиотека в бывшем доме Гончаровых

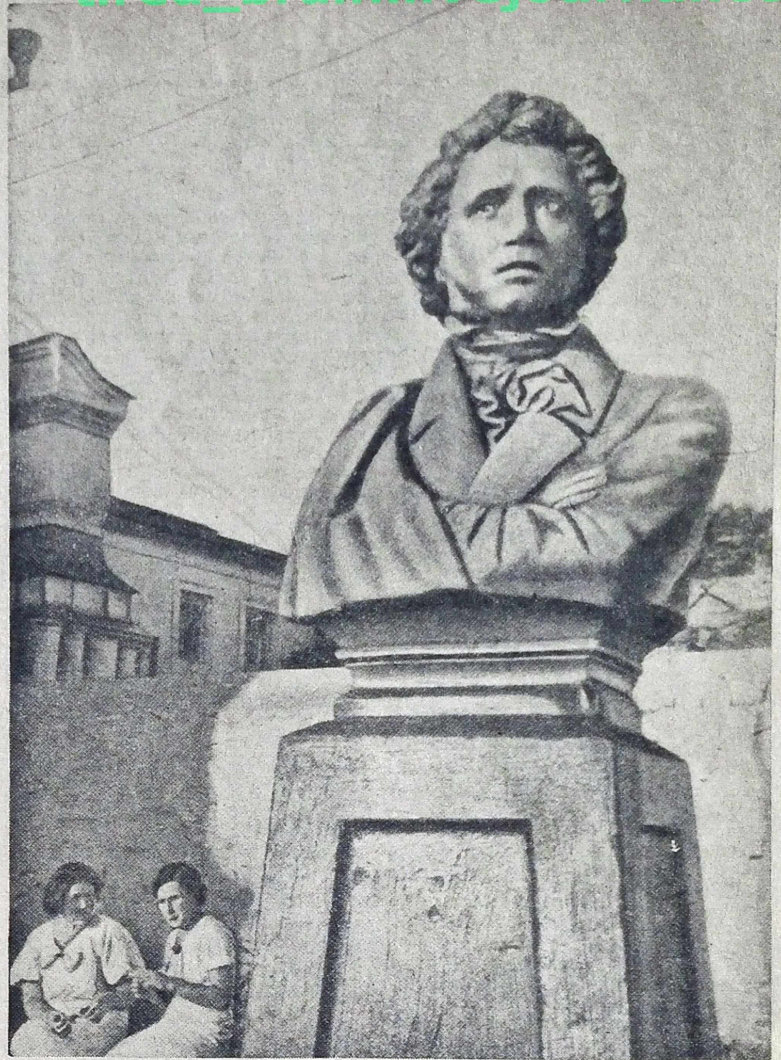
этажный дом расположен почти на берегу реки. Перед ним находится так называемый «цветник», где когда-то росли кусты пышного крыжовника, посаженного еще А. Н. Гончаровым. Чудесная словесная аллея ведет от дома в парк (при Пушкине тут цвели замечательные георгины) и в огромный, на четыре тысячи деревьев, сад. Длинная пушкинская липовая аллея подходит почти к самой «беседке Пушкина». Беседка эта была разрушена лет двадцать назад. Она стояла на небольшой полянке среди парка, у обрыва, под которым течет Суходрев. Из ее окон открывался красивый вид на реку и яркозеленый луг, окаймляющий реку с того бе-

рега. За лугом видна небольшая деревушка Устье.

Полотнянозаводский парк величествен и живописен. Тут — густые липы, клены, дубы, изредка сосна. Тут — мечтательные краски и тихая осенняя задумчивость. К парку примыкают, кроме «гоподского» дома, и черные дворы: за кирпичной оградой (теперь разрушенной) находились скотный и конный дворы, кирпичное здание для «дворни», еще далее, ближе к фабрике, «спасские ворота», возле которых стояла большая церковь «спаса-преображенья» и находился склеп семьи Гончаровых. Вблизи скотного двора виднеются

Вид с балкона бывшего дома Гончаровых на «спасские ворота»

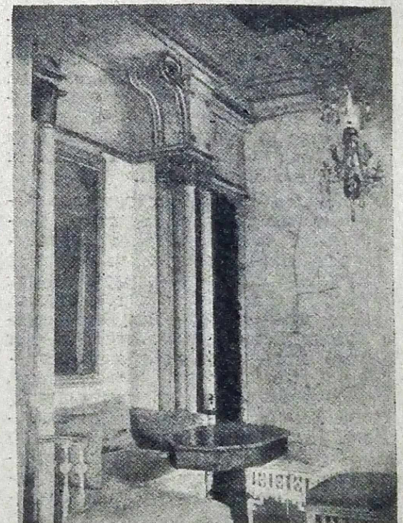
Бюст Пушкина у здания фабкома Полотнянозаводской фабрики

остатки старинной «луковной» (кажется, она была построена еще А. А. Гончаровым). Давно кончил свое существование «Красный дом» Гончарова, построенный по другую сторону фабрики, у слободы. Этот дом был некогда окаймлен пышными аллеями берез и богатым садом, где была устроена острокопечная горка с винтовой дорожкой, обсаженной акациями, так называемая «улита». Сад благоухал цветами, запах которых особенно любил Афанасий Николаевич Гончаров, дед жены Пушкина, принимавший поэта именно в своем «Красном доме» (дом был деревянный, выкрашенный красной краской). Впоследствии на месте этого сада появился «торг», дом превратился в «трактир», а потом в театр и кино и, наконец, сгорел.

Пребывание Пушкина на Полотняном заводе связано с «Красным домом» и с большим «господским» домом, где он тоже, по местным преданиям, ночевал. В этом доме сохранились две знаменитые комнаты: одна — пушкинская зала, на втором этаже, большая, угловая, с восемью окнами комната и другая, в третьем этаже, — комната, в которой ночевал Кутузов во время своей стоянки в Полотняном заводе в 1812 году (об этом упоминает Толстой в «Войне и мире», см. т. IV, ч. 4, гл. 4).

Рядом с большим домом Гончаровых находится старый фабричный двор парусно-полотняной фабрики, выстроенной еще Афанасием

Абрамовичем Гончаровым. От четырехэтажного здания остались всего лишь два этажа (два верхних были каким-то Гончаровым разобраны для постройки новых корпусов бумажной фабрики). Это плотная массивная постройка. Когда-то в ней работало четыреста ручных «станков». Теперь в корпусах Полотнянозаводской бумажной фабрики выделывают по всем правилам новейшей техники бумагу для тетрадей.

Мраморная комната

РЕМБРАНДТ ВАН-РЕЙН

Первые годы своей жизни Рембрандт провел на мельнице. С первых же дней художник был окружен природой, которую любил страстно и пылко. Мы увидим потом ее отображение в замечательных, неповторимых офортах.

Мельником был его отец. А сын мельника поднялся на вершины человеческого гения. Он перерос и мельницу, и узкий кругозор голландского ремесленника, и всю Голландию и покораил сейчас сердца миллионов людей.

Художник родился в 1606 году в небольшом голландском городе Лейдене. Жизнь его протекает в Амстердаме. Женившись на дочери торговца художественными изделиями Саскии ван-Уйленбург, он и сам становится коллекционером. В его дом стекаются драгоценности со всех частей света. Он коллекционирует жадно и страстно.

Маленькая Голландия становится в XVII веке самой могущественной капиталистической державой. Корабли, груженные товарами, идут в голландские порты. Сказочно богатеют голландские купцы. Они хотят теперь украшать свои жилища произведениями искусства. Картина, художественное произведение становится одним из самых ходких товаров на голландском рынке.

Все эти политические и экономические сдвиги вызвали в Голландии мощный, небывалый до того расцвет станковой реалистической живописи.

На волне этого подъема и выросли такие художники, как Рембрандт, Франс Хальс, Рейсдаль. Но Рембрандт, возвысившись над всеми современными ему художниками, перерос свою эпоху. Он стал, как и его гениальный современник — философ Борух Спиноза — чужд и непонятен буржуазным филистерам.

Рембрандт умер в глубочайшей нищете и одиночестве. Похороны величайшего художника мира стоили несколько грошей. Имущество, оставшееся после него, состояло из «шерстяной и полотняной одежды и рабочих инструментов».

Он умер в 1669 году, на шестьдесят четвертом году жизни.

Имя Рембрандта стоит бесспорно в одном ряду с величайшими гениями человечества — Шекспиром, Бетховеном, Данте, Пушкиным, Бальзаком. Он не имеет себе равных ни в феноменальном совершенстве мастерства, ни в железном единении внутреннего горения и внешнего воплощения.

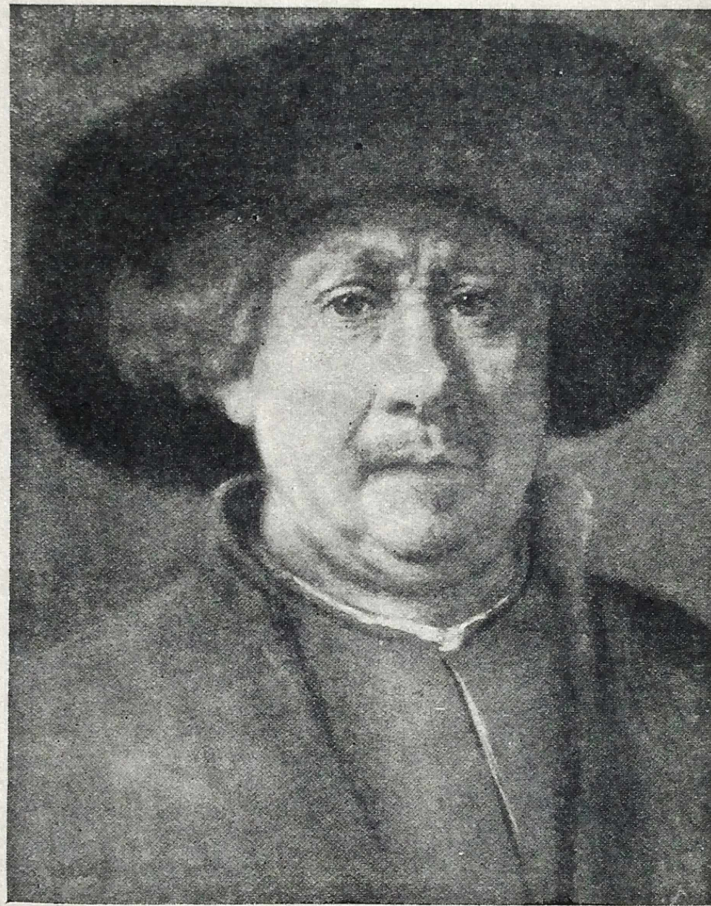
Каждое полотно художника написано предельной страстью, волнующей творца. У него нет бесстрастных, равнодушных полотен. Каждая картина — живой кусок Рембрандта, слепок с его сердца, бесмертный памятник его страдания, радости или гнева. Может быть это — одна из причин живучести его образов. Может быть, потому они и пережили века, что Рембрандт, достигший небывалой глубины психологического портрета, изображал своих персонажей с жестоким подчас для заказчика пристрастием? Образы существовали для художника лишь постольку, поскольку они могли стать вместилищем его чувствава-

ний, его мыслей, его существа. Больше того: сама живопись в руках великого волшебника кисти становится лишь средством для передачи больших человеческих чувств. Мы увидим это, рассматривая картины и офорты московской выставки.

Художник-творец крайне сложно воспринимает окружающую действительность, но, преломляя ее через призму собственного мироощущения, передает зрителю на ясном, пластическом и гармоничном языке. Оттачивая мысль, он

и гордое лицо. Но так ли сильны земные страсти, чтобы сломить гения? Нет, он непобедим! Рука еще уверенно лежит на бумаге. Он рисует, хищным и внимательным взглядом устремившись на натуру. Пусть бушуют бури, пусть воздух дышит скорбью! Его сердце — могучее и человеческое — еще бьется. Пока разум не покинул его, он будет творить!

«Рембрандт писал мадонну с нидерландской крестьянки», — говорит Карл Маркс («Дебаты о свободе печати»). Слова великого учите-

Рембрандт ван-Рейн. Автопортрет

облекает ее в совершенную форму, свойственную только той идее, которая волнует в данный момент художника. Искусству Рембрандта органически чужды всякого рода формалистские кривлянья и изыски. Его искусство целостно, органично и потому прекрасно.

Ничто человеческое не чуждо Рембрандту. На одном из своих автопортретов он предстает перед нами пирующим. Его жена Саския сидит на коленях. У художника задорная вызывающая поза. Он приветствует жизнь. Он готов к битвам, он открыл забрало. Как доблестный и неподкупный рыцарь, встречает он жизнь со всеми ее горестями и тревожениями.

Но уходят годы. Беды обрушиваются на голову художника. Морщинами покрывается его властное

лицо пролетариата дают нам ключ к пониманию Рембрандта.

На выставке представлено одно из замечательных творений художника — «Святое семейство». Простая плетеная люлька. Женщина, читавшая книгу, склонилась к ней, бережно откинув покрывало. Спуганный дощатый пол. Все дышит здесь мирной семейной идиллией... Эта тема, тысячи раз трактованная великими мастерами итальянского Возрождения с явно ощущаемым оттенком религиозного благоговения, дается Рембрандтом как жанровая бытовая сцена. Это — настоящая семья плотника, со всеми ее реальными аксессуарами. Она вся — естество и плоть.

Прибегая к религиозным сюжетам, Рембрандт всегда, даже в раннюю пору своего творчества, сохраняет строго реалистический подход. Он, кажется, сводит библей-

ских героев с их высокого pedestal и награждает самыми земными чертами. Живого человека он ставит превыше всего, давая его облик с нескрываемой любовью, но и с убийственным пристрастием.

Изумительная галерея портретов Рембрандта не только портреты тех людей, которых изображает художник. Это одновременно — и его, Рембрандта, портреты.

Рембрандт, давший нам в расцвете своей жизни такую великодушную и радостную картину, как «Даная» (она представлена на выставке), звучащую, как гимн человеческой любви, умеет изображать и человеческие страдания. Он — один из величайших гуманистов мира. Это большое гражданское чувство, сквозящее во всех полотнах художника, не есть что-то внешнее и случайное. Нет, это органическое чувство мастера, его натура. Его искусство вообще не знает фальшивых нот.

...Картина «Возвращение блудного сына» написана уже умирающим художником. Она стала его лебединой песней. Блудный сын вернулся в отеческий дом. Его одежда превратилась в рубища. Его лицо устало от жизненных битв. Повернутое в профиль к зрителю, оно являет собой гениальный символ нечеловеческого страдания и глубокого раскаяния.

Руки отца написаны с предельным совершенством.

Они одни целиком передают характер. Мягкие, ласковые, чуть припухшие, они с всепрощающей любовью приникли к спине страдальца.

Великий волшебник кисти посредством какой-нибудь одной детали умеет передать характер: в замечательном офорте «Слепой Товия» мы чувствуем трагедию ослепшего старика, руки которого, беспомощные и окостеневшие, ощупывают дверной косяк...

Тема страдания вообще преследует Рембрандта к концу его жизни. На выставке представлена замечательная картина Рембрандта «Аман перед казнью». Изобличенный в вероломстве царедворец Аман приговорен Ассуром к казни. В воздухе гроза. Мрак спускается до предела. Хитрое и подлобострастное лицо Амана искажено страхом и предсмертными судорогами.

«Страх» — так нужно было бы назвать эту картину. Ибо нет во всей мировой живописи лучшего изображения этого человеческого чувства. Рембрандт, как мы уже сказали выше, достигает вершин психологического портрета... Уже точет во мраке бесстрастное и спокойное лицо Асура. Конец...

Великий голландский художник в своих творениях не блещет внешней эффектностью яркого колорита фламандцев. Его живопись серьезнее, богаче и глубже. Его краски сдержаны и спокойны, но их гамма прекрасна и взволнована.

Выставка Рембрандта в Москве вылилась в радостное и волнующее событие. Ежедневно сюда приходит тысячи людей, которые с нескрываемым восторгом рассматривают полотна Рембрандта и уходят с выставки взволнованные и радостные.

Мы — счастливые люди счастливой страны, мы понимаем Рембрандта целиком, без остатка. Его полотна — то радостные, то гневные, то печальные, то тревожные, но никогда не бесстрастные, — переживают века.

ПЕСНЯ О ЛЫЖНОМ ПОХОДЕ

Говорят в Тюмени любят есть пельмени,
А больше о Тюмени той и слыхом не

слыхать.

И вдруг из той Тюмени лыжи зашумели,
Ласточками зимними начали порхать.

Зашумели лыжи, зашуршали ближе,
Кто идет? Приложим руку козырьком.
Кто летит по снегу со всего разбегу,
Через буераки над сонным озерком?

Сила и умение мчат к нам из Тюмени,
Стелют с горки на гору, опушкой по леску,
Здоровых сил излишек к нам движется

на лыжах:

Пошла Тюмень далекая приветствовать
Москву.

Лыжи тонко тёсаны, волосы зачесаны,
Щеки от мороза разрумьянились свежей.
В дивизии стрелковой—народ видать

толковый,

А жены командиров—не менее мужей!

Идут они тайгою, одна за другою,

Прекрасны и настойчивы в движении

своим.

Под инеем хрустальным, в стремлении

неустанном

И прямо к Ворошилову приходят на
прием.

Когда такое было, чтоб лыжи доносило
От самого Урала до самого Кремля?!

У нас такое было, у нас такая сила,
У нас такая поступь, такая земля.

На Электрозаводе все в хлопотах,

в работе:

Садитесь ешьте, кушайте, снимайте

ремень,

Про путь свой расскажите, беседу

завяжите,

А после отдыхайте, подружка Тюмень!

Нины, Веры, Клавды, о вас повсюду слава;

Перед вами расстилается блестящий

светлый путь.

Вас, женщины советские, не сдуют ветры

резкие

И выюги не заставят в сторону свернуть.

Прошло не больше года, и с Электроза-

вода,

В ответ на этот дальний веселый визит,

Бригадой комсомольской—до самого

Тобольска

Отряд девчат отважных на лыжах

скользит.

Да что ж это такое, что нету им покая
Что нету их разгону—предела-рубежа?

Ни выюги не таятся, ни волков не боятся,

Две тыщи с половиной километров

пробежав.

А дальше из Тобольска шумят: «И нам
не сколько-то:

Пойдем до Ленинграда на следующий

год!»

Опять рывок со старта, и вот к восьмому

марта

Закончен будет новый рекордный переход.

Нины, Веры, Киры—вы сами командиры,

Пред вами вот он стелется блестящий

светлый путь.

Вас, женщины советские, не сдуют ветры

резкие

И выюги не заставят в сторону свернуть.

Ну, где такое было, чтоб лыжи доносило

До самого Урала от самого Кремля?!

У нас такое было, у нас такая сила

У нас—такие женщины, такая земля!

КУХНЯ ЗА ПОЛЯРНЫМ КРУГОМ

Екатерина Васильевна Касаткина больше года провела на острове Диксон в качестве шефа кухни. Бытовые черты, касающиеся по преимуществу «цеха питания», в советской Арктике так неожиданно оригинальны и интересны, что мы представляем Е. В. Касаткиной слово на страницах нашего журнала.

— Два года назад газеты были полны сообщениями о наших успехах в Арктике. Что ни день—какая-нибудь новость! Просто дух захватывало. Меня подмывало принять личное участие в деле, которое еще вчера казалось страшно далеким, а теперь становилось все ближе, все роднее. Да и сын меня тоже подзуживал. Он проработал год на Земле Франца-Иосифа метеорологом и вернулся другим человеком: здоровым, сильным, жизнерадостным и, главное, зараженным Севером,—на материке ему скучно, опять в Арктику тянет. Захотелось и мне с ним. Да не удалось, он теперь работает старшим синоптиком на мысе Шмидта. Хожу по Москве и тошнехонько мне—надоело киснуть в домохозяйках. Снятся мне горы ледяные, моржи, белухи, киты. Не выдержала. Пошла в Главное управление северного морского пути, в отдел кадров, к тов. Савельеву. Выслушал он меня, смеется:

— Вы уж не знаю которая по счету в Арктику проситесь. Если

всех на остров Диксон отсылать, так там, как в Москве, тесно станет. Нет, товарищ, мы возьмем только такого человека, который нам будет полезен. А чем же вы можете быть полезной нашим рабочим, которые едут туда строить порт? К чему у вас особенная склонность?

— Сейчас, — говорю, — у меня склонность к Арктике. А была — к кулинарии. Мои пироги знакомы очень нравятся, славятся даже среди моих друзей. Уж если я из галки или вороны могла мастерить такое рагу, что все пальчики облизывают, так я вашим рабочим такие паштеты из гагар, а из оленины бифштексы и антрекоты стряпать буду...

— Это вы как раз в точку попали. Нам именно шеф кухни и требуется. Только мы словам ведь не верим. Вот идите на кулинарные курсы, кончайте их и возвращайтесь к нам с дипломом на кока. Тогда и поговорим.

На-завтра я уже поступила на кулинарные курсы Нарпита и работала на фабрике-кухне.

Никогда бы не поверила, что надо проглотить такую массу книг и моей собственной стряпни, чтобы получить диплом на звание повара.

Каких только книг я не прочитала! Теперь и вспомнить не могу, сколько тысяч страниц пришлось тогда проработать. И ни одной странички, конечно, о питании в Арктике.

В дорогу собиралась радостно. Помощниц двух выбрала толковых.

С Савельевым как-то разговорила:

— Что значит разнообразить меню, не повторяться ни разу в десятидневку? Да я могу, если припасы будут, и месяц не повторяться. И больше!

— Ну, это уж вы хватили через край!.. Повезем отсюда мясо в консервах и замороженное. Нескольких молочных коров для детей...

— Да разве на Диксоне и дети будут?

— Да. Сто пятнадцать рабочих и пять ребят, приехавших с материями на побывку к отцам. Но не беспокойтесь: обед для всех одинаковый. Мы везем с собой в большом количестве масло, чай, кофе, шоколад, какао, лимонный экстракт, лимоны в сахаре, клюкву... А остальное добудем на месте охотой...

Собаки встретили нас оригинально. Сели в кружок и завывали. Воют и воют, а лаять не умеют.

Все звери в Арктике добродушные, не дичатся человека. Не знают еще, что он из зверей самый хищный. Даже охотиться как-то неловко. Идешь на нерпу (это здесь тюлень так называется), а он не уходит. Подойдешь вплотную и убьешь. Нельзя не бить, уж больно у него печенька вкусна. Большая

да жирная. Я из тюленьей печеники на сто двадцать человек пироги пекла.

И птицы нас не боялись. В особенности гагары. Подходи, бери яйца. А в яйцах желток красный, а белок, как ни вари, все прозрачный, опаловый. И вкусные из них омлеты получаются!

Работа спорилась. Все удавалось. На сто пятьдесят человек ежедневно потрафил! Да чтобы не только всем хватило, а еще и осталось бы на всякий случай.

И как слово дала: целый месяц ни одного кушанья не повторила.

Вдруг радио с острова Врангеля сообщает, что тамошний повар дал в течение месяца шестьдесят два блюда.

Мы—телеграмму:

«Приветствуем начинание повара Врангеля и в свою очередь отвечаем сто семнадцатью неповторимыми блюдами в течение месяца».

Такую же телеграмму—вызов на соревнование—послали и на мыс Шмидта.

Оттуда ответ:

«Наш повар такого разнообразия не делает. Подкармливаемся гусями и утками».

А через месяц от парторга Врангеля получаем вторую телеграмму:

«Ваши достижения нашими стажановцами поварами перекрыты: дали сто шестьдесят четыре блюда».

Я с нетерпением жду приезда в Москву врангелевского повара, чтобы узнать, какими блюдами он меня перекрыл. Но жду этого без обиды.

Я горжусь, гуляя по Москве и изучая меню ресторанов и столовых. Они беднее наших, арктических!

Кем же был Шекспир?

Очень многие факты жизни Вильяма Шекспира до сих пор, несмотря на упорную работу многих исследователей, остаются неизвестными. Это, а также погоня за нездоровой естественностью, за живой оригинальностью, породили ряд «теорий», отрицающих авторство Вильяма Шекспира и приписывающих его другим лицам.

Первое сомнение в авторстве актера Шекспира было высказано в 1767 году Фармером в статье «Этюд об изучении Шекспира». Фармер недоумевал, как это простой актер мог обнаружить такие глубокие научные познания.

Следующим идет известный английский поэт Кольридж. В своих лекциях о Шекспире в 1804 году он заявил: «Немыслимо, чтобы такой гений мог быть сыном мясника и сам работал на городской скотобойне».

В 1852 году один неизвестный автор в «Эдинбургском журнале Чамберса» уже открыто отрицает авторство Шекспира и утверждает, не утруждая себя доказательствами, что Вильям Шекспир нанял какого-то бедного писателя, написавшего за него все приписываемые Вильяму Шекспиру пьесы.

А через пять лет появляется нашумевшая и совершенно фантастическая книга мисс Делии Бэкон «Разоблаченная философия пьес Шекспира». Делия Бэкон, однофамилица, но не родственница Ф. Бэкона, утверждала, что Френсис Бэкон, современник Шекспира, великий ученый, философ и выдающийся государственный деятель, только и мог быть автором пьес, приписываемых актеру Вильяму Шекспиру.

С ненавистью и презрением к «конюху лорда Лейстера», как мисс Делия Бэкон называла Шекспира, она кричала мертвому драматургу: «Грядущие столетия посадят тебя на скамью подсудимых».

Не будучи в состоянии привести сколько-нибудь основательных доводов в защиту своей теории, Делия Бэкон крайне бесцеремонно обошлась с неопровержимыми доказательствами авторства Шекспира и всю свою «теорию» построила на всякого рода догадках и намеках. В 1859 году она сошла с ума и умерла. Но у нее нашлись все же последователи. Ознакомившись с бреднями Делии Бэкон еще до появления ее книги, некий Смит в 1856 году опубликовывает брошюру «Был ли Бэкон автором шекспировских пьес?».

Беспристрастное сличение произведений Шекспира и Бэкона показывает, что их творчество по стилю было совершенно различным. Бэкон был ярким и глубоким писателем, но даже на его стихах лежит печать холодности, ему иногда не хватает воображения, на недостаток которого Шекспиру жаловаться не приходится. По своим научным воззрениям Шекспир и Бэкон также не сходятся. Например, Бэкон, не принимая полностью ни Птолемея, ни Коперника, создал свою собственную астрономическую теорию. У Шекспира мы не находим никаких следов теории Бэкона, хотя почти каждое его произведение затрагивает те или иные стороны астрономии или астрологии¹.

Ведь даже взгляды Бэкона на искусство в корне, до самой своей принципиальной основе, отличаются от того, что Шекспир утверждал в искусстве всем своим творчеством. В своем сочинении «О значении и развитии наук» (1605 год; расширенное издание, под приведенным выше заглавием—1625 год) Бэкон делит поэзию на три рода: эпическую, драматическую и дидактико-аллегорическую. Ясно, какой род поэзии признал бы главным Шекспир, если бы он был спрошен по этому

поводу,—драматический. Иначе поступает Бэкон: он самым высшим родом считает поэзию дидактико-аллегорическую. Если вспомнить стихи самого Бэкона, то становится ясным, почему он предпочитает этот род поэзии—как поэт он был именно дидактиком, аллегористом, ученым. Шекспир же не занимался дидактической или аллегорической поэзией, он лишь в самых редчайших случаях, и то в более раннее время, отдавал дань аллегоричности (прологи), но все же их трудно назвать аллегориями в принятом тогда смысле этого слова.

В этом же сочинении Бэкон говорит: «но не хорошо слишком долго заниматься театром». В этих словах сквозит то отношение к театру, как к легкомысленному зрелищу, которое свойственно было многим образованным людям того времени и которое никак не могло быть сказано актером и драматургом, на знамени которого было написано: «весь мир—театр».

Георг Брандес очень правильно заметил, что если принять бэконовскую гипотезу, то тогда никак нельзя объяснить, почему Бэкон так старательно исправлял свои ошибки в своих трудах при их печатании и вообще тщательно наблюдал за своими изданиями и в то же время сделал исключение только для своих пьес, допустив в них около 20 000 ошибок.

Как, например, объяснить и такой факт, что именно Бэкона, а не кого-либо другого королева Елизавета назначила прокурором по делу о заговоре Эссекса, который был покровителем Вильяма Шекспира и привлек театр «Глобус» к косвенному участию в заговоре, поручив поставить пьесу «Ричард II»? Неужели же она не знала, что не Шекспир, а сам Бэкон написал эту трагедию?

Эсхил, Софокл, Мольер и Шекспир сами были актерами, и нет никаких сомнений в том, что это сильно помогало им в их драматургическом творчестве. Шекспир, в частности, в каждой сцене своих пьес обнаруживает исключительное знание законов театра.

Любопытно, что ни в одной своей пьесе Шекспир не выводит действующих лиц больше, чем было актеров в труппе театра «Глобус» (если героев все же было больше, то некоторые второстепенные лица убивались, как это сделано в «Гамлете» с Розенкранцем и Гильденстерном, и равновесие восстанавливалось, потому что «убитые» могли появиться в новом гриме и в других ролях). Какое было дело Бэкону или другим претендентам на место Вильяма Шекспира до таких характерных мелочей?

Нет никакого смысла спорить с «бэконовцами»,—они не могут представить сколько-нибудь серьезных доказательств в защиту своей фантастической галиматии.

Не успел замолкнуть шум, произведенный многочисленными «бэконовцами», как возникла вторая антишекспировская школа. Бельгиец Дамблон выступил с сенсационным открытием, что под именем Шекспира скрывается не кто иной, как один из покровителей актера Шекспира—граф Роджер Маннерс Ретлэнд.

Кандидатура графа Ретлэнда в Шекспира была выдвинута сначала немецкими критиками П. Альвором и К. Блейбтеем, а свою развернутую и якобы подробно обоснованную защиту и «документацию» она получила в книге бельгийского сенатора Селестена Дамблона «Шекспир—это Ретлэнд», которая появилась в 1913 году.

В основе всей книги Дамблона лежит явно реакционная идея о том, что выходец из народа, каким был Шекспир, не может быть

гениальным человеком. Дамблон с аристократическим высокомерием пишет в своей фальшивке: «Борзая не может родиться в семье мосек... Лилия не расцветает на чертополохе... Феникс не может возникнуть из вульгарного корня».

Никаких прямых доказательств сторонники Ретлэнда привести не могли. Тем больше они пускали в ход косвенные доказательства. Вот одно из них: Вильям Шекспир никогда не был в Дании, Ретлэнд же там был, значит, именно Ретлэнд написал «Гамлета». Но достоверно известно, что из труппы Шекспира—Бербедажа в Дании были три актера—Поп, Кемп и Брайян, которые могли, конечно, рассказать своему приятелю, штатному драматургу труппы, необходимые факты. Об этом ретлэндианцы предпочитают умалчивать. Они, например, приводят как убийственный аргумент, что вместе с Ретлэндом в университете учились Розенкранц и Гильденстерн и что это косвенно подтверждает его авторство в «Гамлете». Но они бесцеремонно умалчивают о том, что само имя Гамлет гораздо убедительнее доказывает авторство именно Шекспира: он имел сына Гамлета (по-английски «Гамнет»), названного так в честь крестного отца этого ребенка—булочника Гамнета Сэдлера, подпись которого стоит четвертой под завещанием Шекспира в числе подписей других свидетелей. Так же обстоит дело и со всеми другими доказательствами сторонников Ретлэнда. Достаточно указать, что Ретлэнд был гораздо моложе Шекспира (когда появились первые произведения Шекспира, ему было не больше 15 лет), чтобы увидеть всю вздорность этой «концепции». На русском языке также появились две книжки ретлэндианцев—«Шекспир—Ретлэнд» Шипулинского (компилятивная, не самостоятельная работа) и «Шекспир» В. М. Фриче. Характерно, что незадолго до своей смерти В. М. Фриче отказался от этой в корне ошибочной теории.

Внешние успехи подобных «открытий» вызвали множество подражателей; насчитывается больше десяти версий о том, кем был драматург Вильям Шекспир. Если первой считать бэконовскую ересь, а второй ретлэндианскую, то третьей будет «коллективистическая» гипотеза Моргана.

Эпплтон Морган своей книгой «Миф о Шекспире» (1881 год) положил основание третьей антишекспировской теории. Морган считает, что такого отдельного писателя, называвшегося Вильямом Шекспиром, вообще не существовало и что именем «Вильям Шекспир» называли себя многие писатели, считавшие необходимым скрыть свое имя.

Вместе с Морганом и некоторые противники авторства Шекспира утверждают, что «Шекспир» это псевдоним (Shake—потрясатель, Speere—копье). Но чем же тогда объяснить, что до рождения гениального Вильяма Шекспира в XIII веке была известна такая фамилия? А затем ведь никак нельзя отрицать, что актер Вильям Шекспир был живым человеком и именно о нем писали многие лица, лично его знавшие, как о великом писателе, «авонском лебеде» английской поэзии и т. д.

Близка к данной гипотезе и идея Уайта (1892 год) о том, что так как Вильям Шекспир был ростовщиком, то он просто-напросто заставлял своих должников писать для него пьесы и подписывал их сам (никак не объяснишь, почему все должники писали так гениально, а затем, почему ни один из них, таким образом уплатив долг, не объявил всему белому свету о проделках бездарного ростовщика, таким грязным способом зарабатывавшего себе гениальность).

Четвертая гипотеза, что автором пьес Вильяма Шекспира был Уильям Стенли, ше-

¹ А. В. Луначарский не считает возможным даже говорить о влиянии Бэкона на Шекспира.

стой граф Дерби. Пятая приписывает авторство Уолтеру Ролею. Шестая отдает эту честь племяннику Френсиса Бэкона. Седьмая уступает авторство переписчику пьес Джорджу Вилькинсону, который переписывал пьесы в театре Шекспира. Восьмая выдвигает в Шекспира Эдуарда де Вера, семнадцатого лорда Оксфордского. Основание здесь столь же «солидное», как и у всех остальных изобретательных авторов: у Шекспира часто встречается слово «вер», значит, де Вер и есть Шекспир. Кажется, это последнее по счету «открытие» (с ним выступил Перси Аллен в 1931 г.).

Девятая теория посвящает в Шекспира графа Девоншира, десятая делает это с переводчиком «Опытов» Монтеня на английский язык итальянцем Флорио, следующая теория венчает шекспировской гениальностью графа Пемброка и т. д. и т. п.

Как и всякая пошлость, антишекспировские идеи снова и снова возрождаются в нездоровых условиях буржуазного общества, падающего до всего «сенсационного». Так, даже в 1935 году во французской печати можно встретить статьи, «опровергающие» авторство Вильяма Шекспира. Я остановлюсь на одной из них — на статье Мерхарда Матиаса в «Меркюр де Франс» от 15 апреля 1935 года под интригующим заглавием «В поисках Шекспира».

Матиас считает доказанным, что такой «плебей», как Шекспир, никак не мог написать такие высокоаристократические пьесы, которые подписаны его фамилией. Матиас дальше с прискорблением говорит о том, что когда он читает Шекспира, то всегда испытывает мучительное чувство неловкости — его

тонкая душа никак не может вынести, что «Гамлет», «Лир», «Макбет» и другие трагедии написаны этим «безграмотным стретфордем».

Дальше Матиас делает новое открытие: подлинный Шекспир был настолько «высокой особой», что Елизавета, отрубившая голову Марии Стюарт, Эссексу и многим-многим другим, не решилась его тронуть, а Яков I, оказывается, тоже боялся прикоснуться к столь высокопоставленному лицу (как известно, Яков I даже очень «прикасался» к кому угодно, если ему это было выгодно). Не стоит излагать дальше содержание статьи Матиаса, — действительно, пошлость слишком живуча, если судить по Матиасам.

Научный уровень таких «теорий» очень удачно разоблачил Оскар Уайльд. Он выдвинул никогда не существовавшего человека, сочинил всякого рода «доказательства» и быстро нашел сторонников и этой кандидатуры в Шекспира, разоблачив этим самым всю глупость своих легковверных последователей.

Очень любопытным и значительным документом о личности Шекспира является свидетельство Четтля, тогдашнего издателя. Выпустив порочащий Шекспира памфлет Роберта Грина, Четтль после смерти Грина счел нужным оправдаться в этом поступке, поскольку памфлет вызвал, очевидно, возмущение (об этом можно судить по отрицательному отношению к памфлету даже со стороны друзей Грина — Марлоу и Наша). Четтль, занимаясь своим оправданием и всячески отводя подозрение в авторстве или соавторстве (а об этом разговоры были), дает следующую характеристику Шекспира:

«Многие уважаемые особы свидетельствуют о его откровенности в общении с людьми и восхваляют как его прямодушность, так и привлекательность его остроумия, проявляющиеся в его творениях, которыми он доказывает свой художественный талант».

Эти строки имеют, конечно, очень большое значение и к стати они категорически опровергают антишекспировские теории — простой издатель (а среди издателей тогда было очень много мошенников и дело это не было таким почетным, как теперь) не посмел бы так просто писать о Ретленде, Ролее или Бэконе.

Что бы ни выдумывали сторонники всяких дурных «сенсаций», как бы ни скрипели перьями антишекспирианцы, как бы они не одурманивали головы своих легковверных читателей, — только одна истина правильна, только одно подтверждает вся история творчества и жизни гениального драматурга Шекспира — его великие произведения написаны именно им, актером и драматургом, уроженцем Стретфорда на Авоне, и больше никем.

Подлинные ученые боролись и продолжают бороться со всем этим вздором, упорно продолжая изучать жизнь гениального драматурга.

А всяческие выдумщики и лжешекспироведы продолжают свою вредную работу.

Забывают, что при жизни Шекспира ни один человек не сомневался в том, что он был автором своих произведений.

Забывают произведения Шекспира, не изучают текста по существу, не думают о гениальном художнике, а роются в архивной пыли.

АНГЛИЙСКИЕ ТРУДЯЩИЕСЯ ДАЮТ ОТПОР ФАШИСТАМ

Восточная часть Лондона, Ист-Энд, населенная по преимуществу трудящимися, была недавно ареной грандиозного антифашистского выступления трудящихся. Сотни тысяч рабочих и служащих на призыв компартии и независимой рабочей партии преградили путь демонстрации фашистских отрядов Мосли. В результате столкновения было ранено около 300 человек, арестовано около 100 антифашистов, но фашисты не прошли через Ист-Энд.

↑
Атака конной полиции на Кэйбл-стрит

«Планет Ньюс»
(Союзфото)

←
Полицейские увозят арестованных. На заднем плане баррикады, построенные антифашистами. Улица покрыта камнями, которыми антифашисты защищались от полиции

«Планет Ньюс»
(Союзфото)

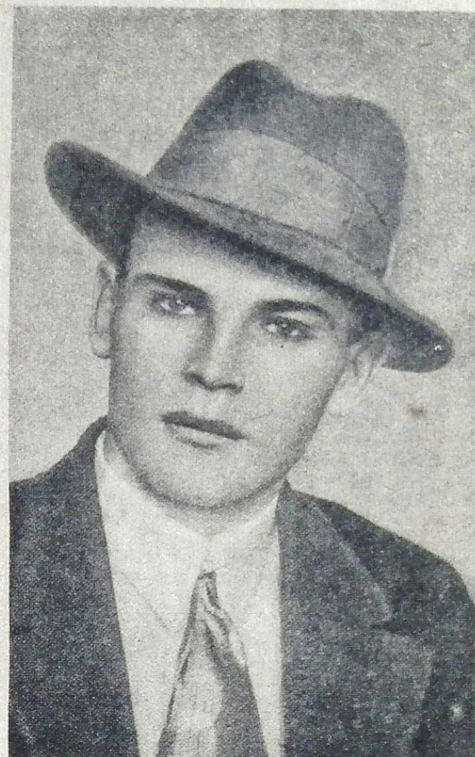
Лучшие мартеновские цехи Германии дают в среднем всего лишь 5,2—7,6 тонн.

А у Макара Мазая средний сьем 12,12 тонны. Всего лишь шесть лет назад он, сын железнодорожного рабочего, убитого белыми, пришел на завод и стал подручным у мартеновской печи.

Искусство сталеварения он изучал под руководством орденосца мастера Шашкина.

Дважды кончил курсы сталеваров Мазай для того, чтобы глубже проникнуть в тайны мартеновского процесса, и все же впереди всех в цехе шел мастер орденосец Шашкин.

Но вот настали дни всесоюзного соревнования металлургов, и Мазай вышел на первое место. Замечательно, что это не случайный рекорд одиночки, ибо по следам Мазая идет весь цех завода.

Молодой забойщик горловской шахты «Кочегарка» Николай Грушко быстро приобрел славу знатного стахановца не только в Донбассе, но и за его пределами. Грушко систематически дает высокую производительность труда, намного перевыполняя нормы угледобычи.

В шахтах Донбасса к годовщине стахановского движения начали готовиться задолго. И Грушко был среди тех, которые ознаменовали эту славную годовщину новыми производственными победами. 1 сентября в Сталино открылся Вседонецкий слет стахановцев промышленности и транспорта. Николай Грушко, уже выполнивший к этому времени две годовые нормы, получил персональное приглашение на этот слет от секретаря донецкого Обкома ВКП(б) тов. Саркисова. Накануне слета, 30 августа, он вырубил за смену 59 кв. м

пласта, выполнив норму на 1120 процентов. За смену он заработал 220 рублей. С Вседонецкого слета он вернулся с новой энергией. 5 сентября, став после слета на вахту, он дал за смену 4,5 нормы.

Свои месячные задания Грушко выполняет не меньше, чем на 400 проц. В сентябре он выполнил норму на 403 проц., в октябре — на 450 проц. К 1 ноября Грушко уже выполнил свыше трех годовых норм.

Комсомольца Макара Мазая, молодого жизнерадостного парня — сталевара Мариупольского завода знает вся страна.

Знает потому, что в старом неважно оборудованном мартеновском цехе Мариупольского завода он дал рекордные выплавки стали. 28 октября он поставил мировой рекорд — 15 тонн стали с квадратного метра пода мартена.

Русская Америка

В 1648 году колымский казак Семен Дежнев обогнул северо-восточную оконечность Азии и приплыл к устью реки Анадыря.

Полвека спустя русские прочно утвердились на побережье Чукотского полуострова и стали переезжать пролив, отделяющий Азию от Америки.

Слух о близости Америки от наших владений дошел до Петра I, и он решил снарядить экспедицию под командой адмирала Беринга. Последнему было предписано: «Доподлинно разузнать, соединяются ли Азия с Америкой или же разъединены проливом».

Но только осенью 1741 года Беринг достиг, наконец, берега Америки и побывал на ряде островов Алеутского архипелага.

С половины XVIII века русские промышленники регулярно начали ходить к берегам Америки для охоты за пушным зверем.

Добывая меха, они не делали попыток закрепить за собой новый край. Первая русская колония в Америке основана была лишь осенью 1786 года сибирским куп-

цом Григорием Ивановичем Шелеховым. Шелехов родился в городе Рыльске в 1747 году. Получив небольшое наследство от родителей, он еще совсем молодым человеком отправился в Сибирь «искать счастья».

Став компаньоном богатого коммерсанта Голикова, Шелехов убедил его совместно с собой снарядить судно «на Аляскинскую землю, называемую американской, на известные и неизвестные острова для производства пушного промысла и всяких поисков и заведения добровольного торгового с туземцами».

В 1776 году Шелехов отплыл к берегам Аляски на судне «Святой Павел» и через четыре года вернулся в Охотск, привезя с собой пушнины более чем на сто тысяч рублей. У Шелехова явилась мысль удержать за собой открытые земли, заселив их русскими.

Для этого он основал компанию с довольно большим капиталом. Построив несколько судов, он осенью 1784 года приплыл с ними к Кидьяку, самому большому из прилегающих к Аляске островов.

Прожив более года на Кидьяке, Шелехов ознакомился с соседними островами и нашел, что наиболее удобным для основания колонии

является остров Афаганок. Здесь был построен поселок и для защиты его возведено укрепление, вооруженное снятыми с судов пушками.

Узнав о плаваниях в Америку Шелехова, Екатерина II пожелала лично с ним познакомиться. Шелехова вызвали ко двору и, наградив шпагой и золотой медалью, послали назад «утверждать во вновь открытых землях и пунктах власть ее величества».

Вернувшись из Петербурга, Шелехов продолжал заселять открытые им острова, которые стали называть «русской Америкой».

Он основывал поселки, возводил укрепления и закладывал верфи, строившие на месте, в Аляске, нужные для промысла суда.

Будучи человеком очень просвещенным и развитым, Шелехов устроил в Кидьяке и на других островах школы, чем, по словам современников, «несказанно удивил не только властей города Охотска, но и самого иркутского губернатора» (в те времена к востоку от Иркутска школы были лишь в Нерчин-

ске, Охотске и Петропавловске-на-Камчатке).

По ходатайству Шелехова, правительство отправило для охраны колоний отряд казаков, к которым вскоре был добавлен стоявший в Охотске пехотный батальон.

Желая расширить сеть русских колоний в Америке, Шелехов организовал новую компанию, названную «Северо-американской».

Довести дело до конца ему однако не удалось: 20 июля 1795 года Шелехов скоропостижно скончался в Иркутске, 48 лет от роду.

Узнав о смерти Шелехова, виднейший поэт того времени Державин написал стихотворную эпитафию для надгробного камня, в которой назвал его «русским Колумбом»¹.

После смерти Шелехова основанные им компании слились в одну «Русско-американскую». Благодаря высоким дивидендам в компанию

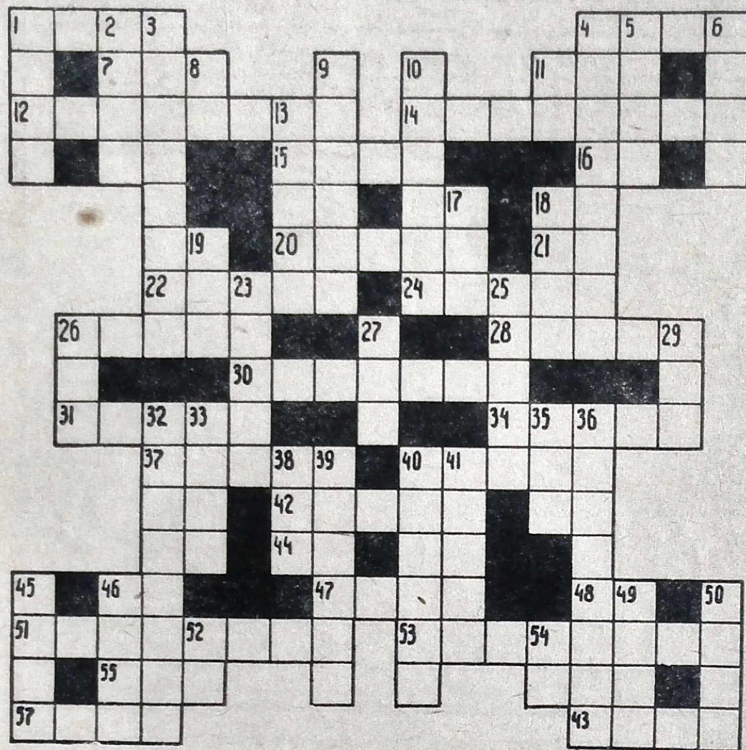
¹ Колумб здесь русский погребен. Пролив моря, открыл страны безвестны, Но зря, что все на свете тлен, Направил паруса во океан небесный.

КРОССВОРД

Составлен Н. С. СОКОЛОВСКОЙ

В каждой незаштрихованной клетке проставьте букву с тем, чтобы, начиная с заштрихованной клетки и кончая черным полем или краем фигуры, читались слова следующих значений.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

1. Поездка.
4. Вступление в работу нового промышленного предприятия.
7. Название первых советских автомобилей.
11. Дно мареновской печи.
12. Дешевые конфеты.
14. Изолирующая обивка для стен и пола.
15. Название месяца.
16. Отложения на дне водоемов.
20. Часть баланса.
21. Греческая буква, употребляемая в математике.
22. Маленький стог.
24. Площадка для занятий одним из видов зимнего спорта.
26. Трагедия.
28. Офицерский чин в дореволюционных казачьих частях.
30. Лекарственное растение.
31. Вид музыкальных представлений.
34. Большая дорога.
37. Марка, заменяющая деньги в карточной игре.
40. Священная книга магометан.
42. Районный центр в Свердловской области.
43. Детское учреждение.
44. Греческая буква.
46. Междометие.
47. Граница земельного участка.
48. Пренюдная.
51. С.-х. культура.
53. Хвалебный религиозный возглас.
55. Основной тон, на котором дается какое-либо изображение.
57. Имя легендарного халифа, сжегшего Александрийскую библиотеку.

Непринятые кроссворды не возвращаются

ПО ВЕРТИКАЛИ:

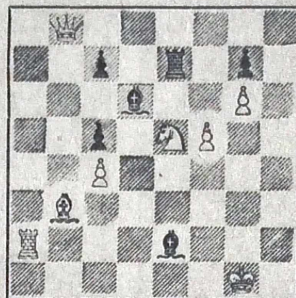
1. Элемент архитектуры.
2. Хищный зверь.
3. Река в Южной Америке.
4. Название произведения Аристотеля.
5. Участок.
6. Река на Кавказе.
8. Единица сопротивления электричества.
9. Приспособление, отделяющее печь от дымохода.
10. Разновидность леса.
11. Река в Италии.
13. Залив, отделенный косой от моря.
17. Остров в Индийском океане.
18. Совокупность пародных литературных произведений.
19. Алкогольный напиток.
23. Короткий меч.
25. Культурное учреждение.
26. Нижняя часть сосуда.
27. Стенной подвесчик, люстра.
29. Прибор для измерения глубины водоемов.
32. Чин в царской армии.
33. Равномерное чередование звуков или движений.
35. Невольник.
36. Ненормальность.
38. Древнеперсидский царь.
39. Приятный запах.
40. Холодное оружие.
41. Часть плуга.
45. Элемент здания.
46. Музыкальный инструмент.
49. Европейская велосипедная марка.
50. Часть конской упряжи.
52. Личное местоимение.
54. Отложения на дне водоемов.

ШАХМАТЫ

Под редакцией А. Илицкого

ДВЕ ЗАДАЧИ ШУТКИ

Андреус

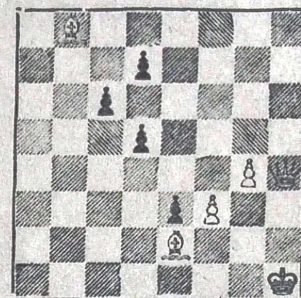

Б.: Kpg1, Фb8, Лa2, Cb3, Ke5, n·c4, f5, g6(8)

Ч.: Ле7, Cd6 и c2, n·c5, c7, g7(6)

Куда нужно поставить черного короля, чтобы белые при своем ходе могли дать мат в два хода?

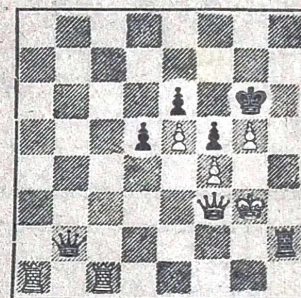
Плэнк

Б.: Kph1, Фh4, Cb8 и e2, n·f3, g4(6)

Ч.: n·c6, d5, d7, e3(4)

Окончание партии

Б.: Kpg3, Фf3, Лa1 и c1, n·e5, f4, g5(7)

Ч.: Kpg6, Фb2, Лh2, n·d5, e6, f5(6)

Могут ли черные при своем ходе спасти партию?

РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ

№ 24 «ОГОНЬКА»

1-я задача. 1. ...Kg4 2. Фg8+Kpg6 3. Фе6+Kph7 4. Фg8+ и ничья вечным шахом.

2-я задача. Черные могли выиграть посредством 1. ... Cg1!

№ 27 «ОГОНЬКА»

Задача-шутка С. Лойда. Черный король должен находиться на h4. Белые дают мат в 3 хода, играя 1. d4 Kph5 2.Фd3 или 1. ... Kpg4 2.e4+.

Задача М. И. Адабашева. 1.Cc2. Задача м. Л. И. Куббеля. 1. Kf7

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ

В № 32 «ОГОНЬКА»

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

1. Сестра. 2. РККА. 3. Ода. 4. Ош. 5. Ара. 6. Вагон. 7. Саша. 8. Абба. 9. Та. 10. Ре. 11. Аш. 12. Еж. 13. Мудрец. 14. Нет. 15. Сага. 16. Весы. 17. Род. 18. Рисунок. 19. Лак. 20. Сор. 21. Тара. 22. Атенс.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Соверен. 2. Рас. 15. Сын. 18. Рот. 23. Еда. 24. Сага. 25. Рона. 26. Аш. 27. Каша. 28. Кратер. 29. Ежевика. 30. Обет. 31. Кама. 32. Ашуг. 33. Дар. 34. Кит. 35. Езда. 36. Тес. 37. Су. 38. Оса. 39. Кор. 40. Ре.

ОПЕЧАТКА. В № 32 «Огонька» на стр. 22 в подписи под фото напечатано: «1000 тонн», следует читать: «100 тонн».

Редактор МИХ. КОЛЬЦОВ.

Адрес редакции: Москва 6, Страстной бульвар, 11.

Тел. 4-28-45.

Издатель: ЖУРНАЛЬНО-ГАЗЕТНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ

Оформление И. Уразова

Стат. формат 275×360 мм 1/8 доля. 1 1/2 бум. листа

Техн. редактор И. К. Ахрар

Уполномоч. Главлита Б—30520

Издат. № 336

3 печ. листа

Знаков в п. л. 105000.

Сдано в набор 16/XI-36 г.

Подп. к печати 11/XII—36 г.

Заказ № 2433

Гиб. 250 000 экз.

Типография газ. „Правда“ им. Сталина, Москва, ул. „Правды“, 24

7113463

САНИТ

**ЛУЧШАЯ
ЗУБНАЯ
ПАСТА**

ЦЕНА 3 РУБ

Д. М. ЗУЕВ-ИНСАРОВ сообщает, что его КНИГА «Строение почерка и характер» РАЗОШЛАСЬ ПОЛНОСТЬЮ. Со всеми запросами обращаться по адресу: Москва 9, абон. ящ. № 169, **Д. М. ЗУЕВУ-ИНСАРОВУ**.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1937 ГОД НА

СТАХАНОВЕЦ

ВСЕСОЮЗНЫЙ МАССОВЫЙ ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ

«Стахановец» борется за всемерное развертывание стахановского движения, за превращение всех фабрик и заводов в стахановские предприятия.

Подписная цена: 12 мес. — 12 р., 6 мес. — 6 р., 3 мес. — 3 руб.

Подписку направляйте почтовым переводом: Москва 6, Страстной бульвар, 11, Жургазобъединение, или сдавайте инструкторам и уполномоченным Жургаза на местах. В Москве уполномоченных вызывайте по телефону: К 1-35-28.

Подписка также принимается повсеместно почтой, отделениями Союзпечати и уполномоченными транспортных газет.

к сведению лечебных учреждений!

МОСОБЛХИМПРОМСОЮЗ

ХИМИКО-ФАРМАЦЕВТИЧЕСКАЯ ФАБРИКА

„Гален-Москва“

"ГАЛЕН-МОСКВА"
МОСКВА, 55-БАХМЕТЬЕВСКАЯ УЛ. 2-й ВЫШЕСЛАВЦЕВ ПЕР., 6-А.

«Секретарская
...КОСТЬ»

ЖИЗНЬ
(ВЫТЯЖКА ИЗ СЕМЕННЫХ ЖЕЛЕЗ).
РАЗРЕШ. НКЗ № 8362.
ПРИМЕНЯЕТСЯ ПРОТИВ ИСТОЩЕНИЯ,
УПАДКА СИЛ, ПОЛОВОГО БЕССИМИЯ
И НЕВРАСТЕНИИ ВО ВСЕХ ЕЕ ВИДАХ

МЕДИЦИНСКИЙ
АКТИВИРОВАННЫЙ УГОЛЬ
"РЕОЛЕН"

КАРБОЛЕН
таблетках, крупинках и в порошке для
внутреннего употребления. Разреш. НКЗДР №4219.
РЕКОМЕНДУЕТСЯ ВРАЧАМИ ПРИ РАДЕ ЖЕЛУДУЧНО-
КИШЕЧНОГО ЗАБОЛЕВАНИЯ, ПРИ ПРОЦЕССАХ УСИЛЕННОГО
БРОЖЕНИЯ КИШЕЧНИКА, ГРИБАМИ, НЕДОВРОЖАЧНОСТИ
ОТРАВЛЕНИЯ ЯДОВИТЫМИ ПРОДУКТАМИ, В ГИНЕКОЛОГИИ
ПРИ СЕПТИЧЕСКИХ АБОРТАХ И КАК ПРИСПОСОБ-
ЛЕНИЕ ПРИ ГНОЙНЫХ РАНАХ И ПЛОХО-ЗАЖИВАЮ-
ЩИХ ФISTУЛАХ.

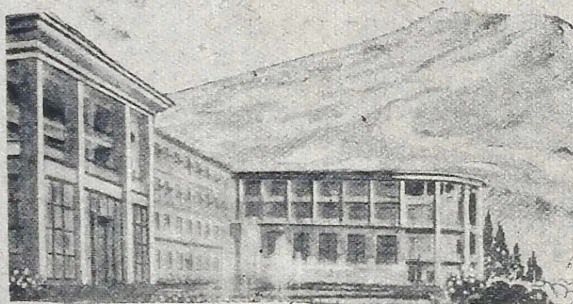

ДЛЯ ПРЕДОХРАНЕНИЯ ОТ
БЕРЕМЕННОСТИ ВЫПУЩЕНЫ ВАГИНАЛЬНЫЕ ШИРОКО
"МАЕН": ПРИГОТОВЛЕННЫЕ НА ПРОТИВОЗАЧАТОЧ-
РАТРЕШ НАРКОЗДРАВОМ.

ВНИМАНИЕ! КОМУ ПРЕПАРАТЕ ХИНОЗОВЕ...

ПРЕПАРАТ

ПРОДАЖА ВО ВСЕХ АПТЕКАХ И СПОСОБ УПОТРЕБЫ

Открытыя
Новыя Звѣзды

„Ини урису“

в Киселевске.

